

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Новарской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Новарской пер., д. 5, кв. 17, а
также въ книж. маг., Воль-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: За человѣческую личность. — Хроника. — Корреспонденціи: съ Китайской границы, изъ Томска, Ачинска, Ишима, Тулутая и Верхнеудинска. — Россійскіе люди въ Сибири (очеркъ сибирскаго крестьянства). II. — Ташкентское издательство. *Туркестанскаго Туриста*. — Въ вопросу о поземельномъ дѣлѣ въ Сибири. — Неудачи и успѣхи нашихъ цивилизаторовъ (фельетонъ). *Добродушнаго Сибиряка*. — Хроника жизни за недѣлю. — Библиографія. — Объявленіе.

Продолжается ПОДПИСКА на „Восточное Обозрѣніе“ 1884 г.

ЗА ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ ЛИЧНОСТЬ.

Человѣческая личность, ея право и человѣческое достоинство гораздо менѣе уважается на Востокѣ (разумѣя дальнія восточныя провинціи), чѣмъ во внутренней Россіи. Чѣмъ далѣе къ Востоку, тѣмъ произволъ и правонарушеніе сильнѣе, обхожденіе безцеремоннѣе, жестокость грубѣе. Вотъ факты изъ текущей жизни.

Во-первыхъ, мы получили слѣдующее письмо отъ одного сельскаго жителя изъ Тюкалинскаго округа Тобольской губ.

«Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года исправникъ нагрянулъ въ с. Крутинское (здѣсь волость и резиденція засѣдателя); въ это самое время, по его распоряженію, со всей волости крестьяне были высланы на почтовый трактъ для исправленія дороги; засѣдатель, волостной старшина и всѣ сельскіе старосты въ виду того, что исправникъ долженъ проѣзжать по тракту осматривать дорогу, безотлучно находились на дорогѣ при работахъ, — дабы угодить начальнику, боясь притомъ, чтобы начальникъ не встрѣтилъ ихъ безъ формы, за что онъ строго взыскиваетъ. Ожидая немилостиваго начальника, они запылились и закоптились, въ потѣ лица развѣзжая по дорогѣ, внушая крестьянамъ скорѣе возить бѣлую глину на дорогу (такъ практикуется у насъ исправленіе дороги 20 лѣтъ), пугая народъ тѣмъ, что скоро нагрянетъ исправникъ. И дѣйствительно, только-что мужики окончили работу, оставалось ее сдать, налетаетъ исправникъ съ крикомъ: кто вамъ приказалъ засыпать глиной дорогу и проч., уберите глину съ дороги! Понятно, мѣстныя власти и народъ, когда увидали, что исправникъ нѣкоторымъ набилъ морды за объясненіе ихъ о томъ, что всегда такъ исправляется дорога, сейчасъ же принялись обратно сваживать глину и землю *съ дороги*, разсуждая про себя, что если ихъ такъ будутъ заставлять возить съ дороги, то что же выйдетъ? выйдетъ то, что послѣ двухъ-трехъ такихъ неразумныхъ распоряженій весь грунтъ свозится и потомъ, когда образуется вмѣсто грунта логъ, опять заставляютъ поднимать дорогу, какъ и было это прежде (дорога пролегаетъ болотистыми мѣстами). Приказано—исполнено. Исправникъ, какъ метеоръ, пролетѣлъ до

слѣдующей станціи Орловской; тамъ почевалъ, летитъ обратно и съ крикомъ приказываетъ засыпать дорогу бѣлой глиной, какъ слѣдуетъ; мужики ошарашились и, хотя принялись за работу, однако-жь; крестьяне деревни Иковской Андрей Корзиловъ и Яманской Гаврило Боровковъ, какъ посмѣлѣе другихъ, начали было объясняться съ исправникомъ, высказывая, что это ни болѣе ни менѣе—мученіе для нихъ; куда тутъ! какъ исправникъ началъ имъ морды бить, такъ нечего и говорить, скорѣе прежняго навозили на дорогу глины, а при работѣ этой мужики разсуждали, говоря: «вчера насъ били за то, что глину навозили на дорогу, а сегодня за то, чтобы глину возили на дорогу». За симъ исправникъ набилъ мужикамъ морды и уѣхалъ въ деревню Яманскую; за нимъ полетѣли засѣдатель, старшина и всѣ сельскіе старосты за полученіемъ еще какихъ то приказаній. Приѣзжаютъ прямо къ квартирѣ его и докладываютъ о явкѣ своей; приказано явиться; когда же тѣ явились, то исправникъ приказалъ крестьянина д. Иковской Степана Ровкина посадить на 6 дней въ каталагу, а Петра Токарева отпороть розгами: перваго за то, что поздно явился на работу, а послѣдняго за возраженія противъ него, исправника. Знаю, что Ровкинъ отбылъ свое наказаніе, а про Токарева знаю только, что рѣшеніе волостнаго суда, по приказанію исправника, состоялось. Всѣ послѣднія приказанія исправникъ отдавалъ, сидя среди комнаты на полу въ одной сорочкѣ и однихъ низикахъ, передъ нимъ же, конечно, всѣ стояли и при формѣ».

Разсказъ этотъ, рисуя одну изъ тяжкихъ и раззорительныхъ крестьянскихъ повинностей, въ тоже время и обнаруживаетъ то обхожденіе, которое примѣняется къ мѣстному крестьянству разными земскими дѣятелями. Собственно сельскій житель, сообщая объ этомъ, жалуется не на то, что „били мужикамъ морды“, это дѣло обыкновенное—но на то, что безъ толку возили глину. Дѣйствительно, битье вещь обыкновенная, которою уже никто не возмущается. Недавно, изъ того же Тюкалинскаго округа писали о засѣдателѣ К., который бьетъ тоже въ морды. А сколько такихъ засѣдателей, и почти ни одинъ безъ этого не обходится. Стоя однако на почвѣ права и законна, здѣсь можно задать слѣдующій вопросъ. Что если бы мы, на-

примѣръ, напечатали въ газетѣ, что такой то губернаторъ, когда явился къ нему крестьянинъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, „засвѣтилъ ему въ морду“. Вѣдь это оновѣщеніе надѣлало бы шуму. Полагаю, что оно вызвало бы опроверженіе, и заинтересованное лицо протестовало бы не по одному тому, что факта не было, но что его и не могло быть,—это позоръ, это безправіе, до котораго власть не можетъ унижаться. И такъ посмотреть на такой поступокъ всякій сановникъ и лицо высшей администраціи. Какимъ же образомъ то, чего не позволяетъ себѣ лицо, обладающее огромной властью, какимъ образомъ то же самое не возбраняется низшимъ полицейскимъ агентамъ и сходить безнаказанно? Вѣдь управляющіе губерніями если бы захотѣли, могли бы положить этому предѣлъ привлеченіемъ къ отвѣтственности и энергическими инструкціями. Вслѣдъ за „битьемъ морды“ обнаруживается другой фактъ,—это злоупотребленіе тѣлеснымъ наказаніемъ въ деревняхъ и селахъ сибирскихъ. До чего оно доходитъ, свидѣлствуютъ слѣдующіе факты. Въ „Сибирской Газетѣ“ № 10 помѣщена замѣтка съ названіемъ: „Времена Лоскутова *) не минѣвали“. Вотъ что въ ней рассказано.

«Въ 1881 г. въ Н—скомъ окр. ощущались давно минувшія «лоскутовскія», а отчасти и «зыбинскія» вѣянія. Бывшій въ то время въ этомъ округѣ исправникъ Кр—скій, во время перемѣщенія своего съ Б—скаго олимпа на Н—скій, по Братской и Тулуновской волостямъ занималъ въ свой проѣздъ по 40 и по 49 лошадей одновременно на каждой станицѣ, а прогоновъ платилъ только по 3—4 руб. Варварское его обращеніе съ крестьянами на дорожномъ исправленіи лѣтомъ 1881 г. не имѣло границъ и даже затмѣвало «лоскутовскія» дѣянія. Изъ распросовъ нашихъ крестьянъ и волостныхъ начальниковъ, находившихся на дорожномъ исправленіи, оказалось, что изъ 485 рабочихъ Братской волости осталось не наказанныхъ розгами, кулаками и плетью не болѣе 100 чел.; сколько же подпало подъ гнѣвъ Кр—скаго рабочихъ другихъ волостей, — неизвѣстно, но надо полагать, приблизительно такой же процентъ. Пороли и зубы чистили всѣ: самъ Кр—скій и по приказанію его — засѣдатели **), волостные головы, сельскіе старшины, казаки, нарядчики и проч. Пороли не только взрослыхъ, но и 12-лѣтнихъ ребятишекъ — возчиковъ гальки, закатывая имъ отъ всего чистаго сердца по 25 — 30 розогъ. Особенно отличался самъ Кр—скій. Не говоря уже о рабочихъ («стоятъ ли и разсуждать объ этой сволочи», говорилъ Кр—скій) онъ не постѣнялся собственноручно отдуть плетью Братскаго волостнаго голову Зарубина — мужика честнаго и умнаго, но въ высшей степени смирнаго ***). Отдулъ, видите ли, за то, что этотъ голова во время работъ осмѣлился отлучиться отъ рабочихъ на 20 шаговъ (шаговъ, замѣтите, а не сажень и не верстъ, что потомъ уже было и вымѣрено) въ балаганъ выпить чаю. Бабинскаго сельскаго старшину Парилова (Братской вол.) и Куйтунскаго — Устюжина (Кимильтейской вол.) Кр—скій избилъ и истрепалъ за волосы, пинками, кулаками и плетью до полусмерти. Какой то еще сельскій старшина былъ напугутованъ священникомъ вслѣдствіе тяжкихъ увѣщій, но какой именно — этого мы не могли дознаться. Страшно хотѣлось этому громовержцу отлуцковать и Кимильтейскаго волостнаго голову Холченко, — молодого, высокаго и здоровеннѣйшаго дѣтину, — но не рѣшился даже и попытки сдѣлать,

*) Лоскутовъ былъ извѣстный своею жестокостію исправникъ при Трескинѣ и отданъ подъ судъ Сперанскимъ.

**) Не принималъ въ этомъ участіи только одинъ засѣдатель Рубцовъ (теперь умершій). Рассказывая лично намъ о подвигахъ Кр—скаго, онъ говорилъ: «Я до глубины души былъ возмущенъ варварствами его (Кр—го); я даже и теперь не могу образумиться отъ всего того, что происходило на дорогѣ и что я видѣлъ своими глазами» («Сиб. Газ.» № 10).

***) Рассказывая намъ о томъ, какъ его билъ Кр—скій, этотъ мужикъ заплакалъ,

такъ какъ тотъ на угрозу отдуть прямо и категорически заявилъ: «Меня отецъ не билъ, мать не била — вишь, какой я выросъ! а развѣ битые растутъ такъ? — меня не били прежніе исправники и засѣдатели, меня не били и губернаторы, ну, а по тому самому, стало быть, не бить меня и вашему в—дію; и напередъ говорю, что, если вы позволите себѣ только дотронуться до меня, а не то, что еще бить, то я однимъ ударомъ потроху вамъ вышибу». Этого голову исправникъ хотѣлъ отдуть собственно за то, что онъ позволилъ производить денежныя поборы съ рабочихъ своей волости. Надо замѣтить, что рабочіе другихъ волостей, какъ напр., Тулуновской и Алзатайской, — волостные головы которыхъ не съумѣли или просто боялись постоять за своихъ рабочихъ, — не только подвергались тяжкому изурненію, начиная работать съ полуночи (о лошадяхъ уже и говорить нечего: цѣлая половина рабочихъ, если не болѣе, возвратилась по домамъ пѣшкомъ, потому что лошадей пришлось побросать или издохшими или еще только издыхающими), но и поборами.»

Едва ли кто повѣритъ, что спустя 20 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, въ губерніяхъ, граждански управляемыхъ, гдѣ тѣлесное наказаніе запрещено закономъ, могутъ совершаться такія вещи, отъ которыхъ житель Европейской Россіи содрогнется.

Факты эти доказываютъ, что въ Сибири какъ битье, такъ и тѣлесное наказаніе практикуются въ самыхъ чудовищныхъ размѣрахъ. Исправники и засѣдатели постоянно употребляютъ его, заставляя общество и волостные суды составлять приговоры и сѣчь своихъ сочленовъ; это практикуется при исправленіи повинностей, при взысканіи недоимокъ и при всѣхъ экстренныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ все это обыкновенныя приемы, вошедшіе въ обычай земской полиціи. Можно себѣ представить, сколько тутъ незаконнаго и возмутительнаго творится. Ясно, что великій манифестъ 19 февраля 1861 г., освобождающій личность изъ крѣпостнаго произвола, и послѣдующій законъ, уничтожившій тѣлесное наказаніе даже по преступленіямъ, не исполняются въ Сибири, напротивъ, земская полиція усвоила себѣ превышеніе власти *). И это составляетъ противоположность съ порядками въ Европейской Россіи. Является однако вопросъ, находится ли Сибирь на особыхъ основаніяхъ управленія и должна ли она стоять внѣ закона? Недавно Высочайшія повелѣнія о введеніи общаго положенія по крестьянскому управленію доказываютъ противоположное. Чиновники, назначенные по крестьянскимъ дѣламъ въ Сибирь, именно и назначены министерствомъ, чтобы ввести законность въ крестьянскія рѣшенія и не позволять здѣсь насилій и жестокостей даже въ крестьянскомъ самосудѣ.

Желательно было бы во имя огражденія правъ человѣческой личности и общества въ Сибири, чтобы незаконнымъ дѣяніямъ земской полиціи положенъ былъ предѣлъ, чтобы самый принципъ самовольной расправы наперекоръ закону былъ уничтоженъ и преслѣдуемъ безпощадно судомъ, чтобы мѣстное начальство выразило свои возрѣнія опредѣленно на этотъ предметъ полицейской расправы и опубликовало циркулярами запрещеніе всякихъ насилій. Опытъ такого циркуляра мы недавно напечатали, онъ былъ изданъ въ 1882 г. бывшимъ томскимъ губернаторомъ Мерцаловымъ.

Но болѣе всего мы желаемъ отъ души введенія въ Сибирь гласнаго и праваго суда, могущаго обнаружить многое, поставить на почву правильное пониманіе закона и обязан-

*) Массы подобныхъ же примѣровъ сообщаются въ корреспонденціяхъ; нѣсколько такихъ дѣлъ занесено у насъ изъ жизни Енисейской губ. и Иркутской.

ности должностныхъ лицъ, рядомъ съ этимъ желаемъ всего морализирующаго и развитія гласности, могущей нѣсколько устранить разнузданность. Этой здоровой гласности мы поставимъ своей обязанностью служить и будемъ стараться не оставлять указаніемъ на ненормальные факты. Полагаемъ, что въ этомъ будетъ хотя слабая услуга въ защитѣ человѣческой личности, а также посильная помощь требованіямъ закона и намѣреніямъ правительства.

ХРОНИКА.

Когда то въ «Восточномъ Обозрѣніи» упоминалось о зоологическихъ коллекціяхъ, собранныхъ и предназначенныхъ въ даръ открывающемуся сибирскому университету отъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Каменскаго, личности замѣчательной по дарованіямъ и благимъ стремленіямъ.

Нынѣ мы получили извѣстіе отъ г. Хахлова, бывшаго доѣзженнаго И. Ѳ. Каменскаго, что коллекція эта заходитъ за полторы тысячи экземпляровъ птицъ и разныхъ экземпляровъ звѣрей, собранныхъ изъ окрестностей Зайсана, Чугучака, Емильской долины, Манаса, Кульджи и Лепсы. Коллекція эта собрана при участіи г. Хахлова и доставлена была съ описаніемъ въ Кульджу. Часть этой коллекціи осматривалъ г. Пржевальскій, который нашелъ ее хорошо составленной. Коллекцію предстояло еще приготовить въ академію наукъ. За смертью Ивана Ѳедоровича Каменскаго долго оставалось неизвѣстнымъ, куда дѣвалась коллекція. Г. Хахловъ сообщаетъ, что она отправлена была изъ Кульджи 2 сериями въ 1879 и 1880 г.

Теперь эта коллекція открыта и розыскана. Она находится въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ упакованномъ видѣ, въ одной изъ транспортныхъ конторъ, которая задержала ее, не имѣя адреса для дальнѣйшей ея отправки въ Петербургъ. Мы знаемъ, что послѣ этого извѣстія братъ Ивана Ѳедоровича, Василій Ѳедоровичъ Каменскій, проживающій въ Петербургѣ, выказалъ живое участіе и намѣренъ принять всѣ мѣры къ сохраненію коллекціи, приготовленію ея и передачѣ по назначенію. Г. Хахловъ поручилъ намъ заявить, что онъ готовъ доставить сохранившіеся описаніе и размѣры звѣрей, предлагая это выслать въ нашу редакцію.

Нѣтъ сомнѣній, что этотъ драгоценный вкладъ будетъ встреченъ съ радостію сибиряками; сибирскій университетъ также будетъ глубоко благодаренъ Василю Ѳедоровичу Каменскому за содѣйствіе, а также и г. Хахлову за участіе въ созданіи коллекцій.

31-го марта, въ залѣ консерваторіи предполагался литературно-музыкальный вечеръ въ пользу семьи покойнаго И. В. Омлевскаго, съ участіемъ: г-жъ Борзенковой, Кетрицъ и Левицкой, и гг. Аленикова, П. И. Вейнберга, Вѣковаго, Иванова-Классика, Карцова, Коссовскаго, Лейкина, А. И. Плещеева, Познякова, Соймонова и Фофанова. Билеты отъ 5 р. до 50 к. можно получать въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Вольфа, въ библиотекѣ Иванова (уголъ Казанской и Гороховой) и у швейцара консерваторіи. Вечеръ этотъ по какимъ то обстоятельствамъ отложенъ до 14-го апрѣля.

Въ № 10 «Вост. Обзор.» помѣщенъ въ хроникѣ «поучительный циркуляръ», который мы извлекли изъ одной сибирской газеты. Циркуляръ этотъ, имѣющій въ виду оградить личность обывателя отъ грубаго обхожденія полиціи, какъ намъ доставлено поясненіе, принадлежитъ не нынѣшнему томскому губернатору, а бывшему губернатору В. И. Мерцалову.

Телеграфъ принесъ послѣднюю новость изъ Томска. «Дума и городской голова настойчиво домогаются преслѣдованія «Сибир-

ской Газеты». Въ одномъ изъ послѣднихъ собраній постановлено обжаловать въ сенатъ отъѣну губернскимъ городскимъ присутствіемъ рѣшенія думы о возбужденіи преслѣдованія противъ газеты; газета же въ послѣднемъ номерѣ заявляетъ, что ее мало интересуетъ это преслѣдованіе, исходъ котораго, по ея мнѣнію, будетъ, безъ сомнѣнія, для думы печальный».

До куда же это будутъ продолжаться столь неутѣшительныя новости и доколь будетъ дума отвлекаться отъ прямыхъ обязанностей г. Михайловымъ, старающимся занять ее личными своими счетами? Причемъ тутъ, спрашивается, самоуправленіе?

Намъ телеграфируютъ изъ Ташкента, что полицейскій чиновникъ изъ туземцевъ Курбаши-Надыръ попалъ подъ слѣдствіе, но не смѣненъ съ должности. Опасаются, что многое не раскроется въ силу того, что многіе потерпѣвшіе отъ него сарты стѣснятся и боятся показывать правду.

Мы слышали, что нѣкій азіатскій администраторъ, нынѣ смѣненный, въ одинъ годъ израсходовалъ всѣ экстраординарныя, посольскія и разныя другія суммы за 1884 и 1885 годы. Конечно, онъ могъ дѣлать это, только забирая заимообразно деньги изъ земскаго или какого то другаго кредита.

А кто, какъ не онъ, толковалъ все о законности!!

Правда ли, что уѣзднымъ начальникамъ въ степи выдается 300 рублей на экстренныя расходы въ торжественные дни? Разсуждая объ этомъ, мундирная публика г. П—дора 2 марта изъ церкви направилась къ повѣренному содержателя склада питей.

Слышно, что семипалатинскаго уѣзднаго начальника подполковника Тихонова устраняютъ отъ занимаемой должности за злоупотребленія по послѣднимъ киргизскимъ выборамъ; докончить эти выборы командированъ уже одинъ изъ чиновниковъ семипалатинскаго областного правленія. Это—тотъ знаменитый Тихоновъ, котораго лѣтъ пять уже обличаютъ, а онъ все переходитъ съ мѣста на мѣсто. Хороша Кашгарія!

Изъ Ушаковска пишутъ, что губернаторъ и губернское правленіе завалены жалобами на пристава П. Большинство жалобщиковъ просятъ о возвратѣ имъ денегъ, незаконно забранныхъ у нихъ П—мъ, который, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ привлеченъ къ ответственности за растрату 8,000 руб. сер.

Намъ передали, что какой то Петя Бубенчиковъ, сибирскій счастливчикъ, нажившій громадное состояніе, вышелъ въ отставку и хлопочетъ о пенсіи въ усиленномъ размѣрѣ. Петя Бубенчиковъ, говорятъ, замѣчательнъ тѣмъ, что въ продолженіе своей долготѣйшей службы собственноручно составилъ только одну бумагу.

Извѣстно—чѣмъ себя обезсмертилъ гоголевскій почтмейстеръ. По свидѣтельству щедринаскаго героя Очищеннаго;—«прежде письма то на почтѣ шпильками изъ конвертовъ вылуцивали. Какая это времени трата была!.. А нынче—взялъ, надъ паромъ секундочку подержалъ—читай, да почитывай!.. Въ н—ской почтовой конторѣ «восточнаго безобразничества» недавно современный Шпекинъ практиковалъ новоизобрѣтенный способъ удовлетворенія своей страсти любознательности чрезъ чтеніе писемъ, особенно дамскихъ. Къ сожалѣнію, онъ прослушалъ тамъ немного времени. Начальство, въ видахъ поощренія его на дальнѣйшіе подвиги для пользы службы, перевело его на низшій постъ: изъ помощника почтмейстера сдѣлало приѣмщикомъ въ Н—нскѣ, въ П—мъ заводѣ. На самостоятельномъ постѣ онъ, конечно, съ большимъ рвеніемъ будетъ приводить въ исполненіе сказаніе Очищеннаго: читай—да почитывай!..

Изъ Иркутска сообщаютъ о резолюціяхъ, которыя приходится получать обывателямъ. На дняхъ одинъ чиновникъ г. Ч.

ночью былъ остановленъ на пустынной улицѣ двумя людьми, подѣхавшими къ нему на дровняхъ. Они съ криками стали допрашивать его, какъ онъ смѣетъ такъ поздно ходить по улицѣ, затѣмъ съ ругательствами потребовали, чтобы онъ ѣхалъ съ ними въ часть. На другой день г. Ч. является къ начальству и вѣжливо проситъ разобратъ это дѣло и наказать обругавшихъ и едва не избившихъ его негодаевъ. «Вы, господа, всегда сами больше виноваты!» небрежно отвѣчаетъ ему г. М.—ковскій.

Въ сущности вздоръ, но характерно!

«Между дѣломъ и бездѣльемъ ташкентцы занялись спиритизмомъ. Увлечены этими занятіями всѣ отъ стараго до малаго—наши доморощенные Бюффоны (увы, есть у насъ такіе), доморощенные литераторы (водятся и такіе), доктора, чиновники, дамы, дѣвочки и дѣти. Честь быть медиумами выпадаетъ на долю дамъ, которыми невидимый духъ подноситъ букеты шелковыхъ цвѣтовъ и любезно приглашаетъ въ сосѣднюю темную комнату. Одинъ сеансъ окончился довольно скандально. Спириты потушили въ комнатѣ свѣчи; вошелъ духъ и до того напугалъ своимъ появленіемъ одного антиспирита, что тотъ, сломя голову, выбѣжалъ на улицу и завонилъ «караулъ», совершенно забывъ, что ташкентская полиція не только безсильна противъ духовъ, но не всегда ловитъ и мелкихъ ворюшекъ. На другомъ сеансѣ духъ былъ даже неприличенъ, желая узнать, шелковые или шерстяные чулки надѣты на одной дамѣ».

А не погодить ли лучше, господа! что то насъ ожидаетъ съ прїѣздомъ новаго начальства?!

ПЕРВЕНСТВО ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Недавно объявлено о замѣчательномъ изобрѣтеніи, сдѣланномъ въ Одессѣ нѣкимъ педагогомъ Кунцомъ,—изобрѣтеніи «педагогическаго кресла» для сѣченія, въ родѣ футляра—вложи и дѣйствуй! Отмѣнно! Но нѣкоторые сибирскіе исправники и бывшіе алтайскіе управители давно возили за собою вмѣстѣ съ розгами подобную кушетку, только она носила болѣе прозаическое названіе. Нѣтъ! первенство изобрѣтенія не слѣдуетъ уступать.

ЗА И ПРОТИВЪ.

По поводу помѣщенной въ № 5 «Восточнаго Обозрѣнія» корреспонденціи изъ Кокчетавы мы получили слѣдующее возраженіе отъ чиновника особыхъ порученій при акмолинскомъ губернаторѣ г. Портиягина, производившаго слѣдствіе надъ кокчетавскимъ уѣзднымъ начальникомъ съ настояніемъ о напечатаніи его письма.

«Корреспондентъ сообщаетъ, что слѣдствіе надъ уѣзднымъ начальникомъ Т. возбуждено по доносу казаковъ: Губина и Колмакова, людей дурной нравственности, и безъ провѣрки доноса. Это не правда. Уѣздный начальникъ Т. привлеченъ къ слѣдствію, главнымъ образомъ, въ силу ревизіи кокчетавскаго станичнаго правленія, обнаружившей растрату суммъ и выдачу изъ нихъ Т. ссуды въ 500 р., срокомъ на годъ, поступленіе которой книги не подтверждали. Корреспондентъ проводитъ мысль, что станичное общество въ правѣ было выдать Т. ссуду изъ общественныхъ суммъ за 0%, но, странно, почему корреспондентъ умолчалъ, что Т. получилъ ссуду ранѣе постановленія приговора по этому предмету, что самый приговоръ о выдачѣ ссуды подписанъ 28 обывателями, тогда какъ имѣющихъ голосъ на сходѣ болѣе 100 человѣкъ, что изъ числа 28 обывателей, какъ выяснено слѣдствіемъ, нѣкоторые записаны въ приговоръ заочно и что самая ссуда возвращена Т. безъ 0%, неофициально и пошла на пополненіе пересылочныхъ суммъ, растроченныхъ станичными начальниками. Допустимъ, что за станичнымъ обществомъ юридическое право давать изъ станичныхъ суммъ ссуды разночинцамъ, но легально ли было со стороны уѣзднаго начальника, при объясненныхъ незаконныхъ условіяхъ, брать ссуду изъ учрежденія, состоящаго подъ непосредственнымъ его надзоромъ и, затѣмъ, негласно возвращать ее безъ 0% въ неподлежачія суммы и бездѣйствовать въ дѣлѣ привлеченія виновныхъ

въ растратѣ къ отвѣтственности по суду. Точно также совершенно невѣрно высказано корреспондентомъ и то, что слѣдователь, при осмотрѣ пашень Т. близъ пикета Азатскаго, не провѣрилъ заявленія депутата о принадлежности распаханной Т. земли не казакамъ, а киргизамъ. Въ программу слѣдователя входило выясненіе вопроса, не пашетъ ли Т. на казачьихъ и киргизскихъ земляхъ, слѣдовательно, производящему дѣло не было надобности провѣрять заявленіе депутата. Равнымъ образомъ вымышлены въ корреспонденціи обвиненія слѣдователя въ оскорбленіи депутата (вѣрнѣе назвать, эксперта), въ непрочтеніи станичному атаману доновъ на него Губина и Колмакова, въ отказѣ въ исправленіи въ очныхъ сводахъ неправильностей, въ записываніи показаній неграмотныхъ свидѣтелей въ извращенномъ видѣ и въ допросѣ подъ присягою, въ качествѣ свидѣтелей, истцовъ. Первое обвиненіе опровергается тѣмъ, что слѣдователь, руководствуясь 52 ст. нак. суд. слѣд., воздержалъ эксперта отъ введенія въ дѣло постороннихъ обстоятельствъ, требуя отъ него только свѣдѣнія о количествѣ владѣемой Т., приблизительно, земли. Второе вымышленно потому, что содержаніе доновъ Губина и Колмакова до мелочей извѣстно станичному атаману, ибо по содержанію ихъ атаманъ далъ слѣдователю отвѣты. Противъ третьяго обвиненія имѣется въ дѣлѣ оправдывающее это обвиненіе постановленіе слѣдователя, утвержденное подписомъ двухъ свидѣтелей, въ томъ смыслѣ, что станичный атаманъ желалъ вписывать въ очные своды показанія уличавшихъ его лицъ подъ диктовку самаго атамана, на исполненіе чего, конечно, слѣдователь, за силою 79 ст. наказ. суд. слѣд., не согласился. Четвертое обвиненіе слѣдователя опровергается имѣющимися въ дѣлѣ присяжными показаніями грамотныхъ, данными не въ пользу Т. Наконецъ, послѣднее обвиненіе слѣдователя совершенно ложно на томъ простомъ основаніи, что спросъ слѣдователемъ по дѣлу Т. свидѣтелей подъ присягою произведенъ на основаніи постановленія слѣдователя, разсмотрѣннаго областнымъ правленіемъ, съ участіемъ прокурорскаго надзора, предварительнаго приведенія постановленія въ исполненіе и признаннаго законнымъ. Что же касается до избушки и сѣнокосныхъ паевъ, о которыхъ говорится въ корреспонденціи, то обстоятельства эти, за вышеизложеннымъ, настолько ничтожны и не имѣющія значенія въ общемъ ходѣ дѣла, что признается лишнимъ писать противъ нихъ опроверженіе».

Давая мѣсто, для выясненія истины событія, возраженіямъ и опроверженіямъ, мы тѣмъ самымъ уже доказываемъ свое безпристрастіе и предоставляемъ возможность выяснить дѣло со всѣхъ сторонъ.

Мы должны, однако, замѣтить объ одномъ господамъ возражателямъ и опровергателямъ, что мы не можемъ допустить съ ихъ стороны ни оскорбленій корреспондентовъ, ни пренебрежительнаго отношенія и грубыхъ отзывовъ относительно печати. Во-первыхъ, послѣднее показываетъ неблаговоситанность пишущихъ. Во-вторыхъ, какъ всякія оскорбленія, такого рода отношенія къ лицамъ и печати могутъ не всегда проходить даромъ. Предупреждаемъ, мы принуждены будемъ начать рядъ встрѣчныхъ исковъ.

Поправка. Въ списокъ пожертвованій въ пользу семьи И. В. Омлевскаго, помѣщенный въ № 13 нашей газеты, слѣдуетъ внести слѣдующія поправки:

Черезъ редакцію газеты «Сибирь» отъ служащихъ иркутской контрольной палаты поступило въ нашу редакцію не 94 р., а 71 р.; деньги же 94 р. собраны по подпискѣ въ г. Иркутскѣ тѣми лицами, списокъ которыхъ помѣщенъ въ № 13, въ число этихъ пожертвованій не включены деньги 1 р. отъ М. Г. Филиппова.

Ошибка произошла отъ сокращеній хроники, въ виду помѣщаемыхъ возраженій, положительно отнимающихъ мѣсто въ газетѣ вслѣдствіе того, что каждый опровергатель беретъ не фактомъ, а словоизверженіемъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Съ Китайской границы (корресп. „Вост. Обзор.“). Прїѣзжіе изъ Кашгара китайско-подданные торговцы и должностныя лица рассказывали, что китайцы, вскорѣ послѣ взятія г. Кашгара, не преминули „учинить судъ“ и надругаться надъ трупомъ бадаулета Якубъ-бека.

Главнокомандующій съ войсками во главѣ отправился къ могилѣ Якубъ-бека и при стрѣльбѣ изъ ружей взялъ штурмомъ надгробный памятникъ, который китайскія войска разрушили до основанія. Затѣмъ вынули трупъ, который оказался весьма хорошо сохранившимся, посадили его, и судебный чиновникъ произвелъ допросъ, причѣмъ упрекали Якубъ-бека въ вѣроломствѣ, неповиновеніи Сыну Неба, крамолѣ и т. под. Послѣ того палачъ отрубилъ отъ трупа голову; трупъ сожгли, а голову повѣсили на продолжительное время у главныхъ воротъ кашгарской крѣпости Енгшара.

Томскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Въ первыхъ числахъ февраля въ Томскъ съѣхались чиновники по крестьянскимъ дѣламъ Томской губ., созданные начальникомъ губерніи для обсужденія разныхъ вопросовъ. Это первый въ Сибири съѣздъ представителей института, составляющаго въ нашей мрачной жизни самое отрадное явленіе, и потому нельзя не отнестись съ похвалой къ такому почину. Чиновники по крестьянскимъ дѣламъ единственные представители въ дѣлѣ защиты крестьянскихъ интересовъ отъ тѣмъ кулаковъ, писарей, засѣдателей и тѣхъ, которые живутъ паразитами на крестьянской массѣ. Къ сожалѣнію, не вездѣ губернская администрація готова подать руку этимъ чиновникамъ, поддерживая разныхъ засѣдателей и исправниковъ и замазывая всѣ ихъ грѣхи; почти всюду она относится къ нимъ съ недоверіемъ и не прочь приставить къ каждому чиновнику какого нибудь наблюдателя за нравственностью и благонадежностью. Чиновники, чувствуя этотъ гнетъ, боятся каждаго самостоятельнаго шага и никогда не рѣшаются настаивать на правотѣ ихъ дѣла. И нельзя ихъ винить за то. Говорятъ, что полицейскіе въ уѣздахъ, не стѣсняясь, распечатываютъ всю переписку и посылки чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ, ходятъ за ними попятамъ и наблюдаютъ, пишутъ на нихъ доносы, вызываютъ на какую нибудь безтактность возмутительнымъ поведеніемъ *), чтобъ только какъ нибудь прицѣпиться. Кромѣ того, губернская власть, не полагаясь на полицію, поручаетъ разныя дѣла этимъ чиновникамъ и тѣмъ отвлекаетъ ихъ отъ прямого дѣла и превращаетъ ихъ въ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Но и при этихъ невыгодныхъ условіяхъ нѣкоторые чиновники по крестьянскимъ дѣламъ сумѣли заслужить неограниченное довѣріе крестьянъ, какъ защитниковъ ихъ. Важно, поэтому, привести дѣйствія чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ къ однообразію, къ системѣ и выяснитъ всѣ жизненныя недоразумѣнія путемъ взаимнаго обмена; на основаніи матеріала, собраннаго каждымъ, можно выработать опредѣленную программу дѣйствій, можно имѣть вѣрное понятіе о крестьянской жизни, къ которой чиновники по крестьянскимъ дѣламъ стоятъ ближе всѣхъ, а это можно сдѣлать только на съѣздѣ. Я особенно напиралъ на компетенцію этихъ чиновниковъ въ дѣлахъ нашихъ крестьянъ, этого почти единственнаго элемента населенія нашей

*) *Дом.* Одного изъ чиновниковъ вздумали обвинить въ кражѣ дровъ и сдѣлали у него обыскъ, съ единственной цѣлью вывести его изъ терпѣнія и заставить нанести оскорбленіе. Этотъ же приемъ практикуется и въ нашихъ судахъ, чтобъ потомъ имѣть основаніе для отвода лица (напр., члена суда), мѣшающаго сдѣлать какую нибудь пакость.

мужицкой страны. До сихъ поръ наши свѣдѣнія о крестьянахъ собираются статистическими комитетами, но эти свѣдѣнія рѣшительно не имѣютъ значенія; собираютъ ихъ писаря, какъ они выражаются, „съ потолка“, буквально выдумывая цифры, которыя проставляются въ графахъ, и никогда никакихъ свѣдѣній они не собираютъ. Ежегодно дѣлаются въ этихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ соответственныя перемѣны, неизмѣнно показывающія, что благосостояніе крестьянъ, платежныя силы ихъ растутъ, населеніе увеличивается и проч. и проч., придумываются несуществующіе заводы и промыслы. Вотъ почему въ сибирской печати нельзя встрѣтить экономическихъ статей, никакихъ статистическихъ свѣдѣній: послѣднихъ нѣтъ, — а свѣдѣніямъ комитетовъ и сама администрація не вѣритъ. Единственно, кто можетъ собрать вѣрныя свѣдѣнія, это — чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, какъ сторонники мужиковъ, какъ люди, близко къ нимъ стоящіе. Вся остальная администрація стоитъ отъ мужика далеко, она гнушается имъ и смотритъ на него съ единственной точки зрѣнія — какъ на „святую скотину“, съ которой можно сдирать шкуру по мѣрѣ ея наростанія. И мужики это знаютъ. Ыдетъ, наприимѣръ, засѣдатель по деревнямъ, его въ деревню не пускаютъ, а высылаютъ на встрѣчу депутата съ даініемъ. И засѣдатель, вполне удовлетворенный, ѣдетъ, не останавливаясь, до другой деревни, гдѣ опять даініе. Вездѣ слышны рассказы, что земскій чиновникъ ѣдетъ въ деревню затѣмъ, чтобъ обобратъ мужиковъ и перепортить дѣвокъ. Въ виду такихъ соображеній и сами чиновники были рады съѣзду, и вообще всѣ благомыслящіе люди. Но первый блинъ вышелъ комомъ. Начать съ того, что они не были предупреждены о съѣздѣ, не была объяснена имъ цѣль съѣзда, что было крайне необходимо; чиновники явились въ Томскъ, не подготовившись, не подобравъ нужнаго матеріала, не составивъ какихъ либо своихъ записокъ. Да для этого нѣкоторымъ даже и времени не было дано, такъ какъ эти нѣкоторые въ концѣ января получили бумагу, ихъ приглашавшую къ 1 февраля въ Томскъ. Затѣмъ, когда чиновники съѣхались къ назначенному сроку, ихъ заставили прожить цѣлую недѣлю почти напрасно, что было для нихъ чувствительно: они ѣхали на свои средства, проживались въ Томскѣ, запускали дѣла дома за время отсутствія. Въ частныхъ собраніяхъ съѣхавшіе условились, о чемъ слѣдуетъ поговорить на съѣздѣ, и за два дня до засѣданій составили программу. Засѣданій было два, но о нихъ мы здѣсь не станемъ говорить, такъ какъ пришлось бы повторять то, что напечатано въ № 7 „Сибирской Газеты“, давшей отчетъ объ этихъ засѣданіяхъ. Стоитъ только упомянуть одну подробность, пропущенную въ отчетѣ. Къ обсужденію вопроса о сельскихъ школахъ былъ приглашенъ нѣкто, въ качествѣ компетентнаго лица; ему же первому и было предоставлено слово. Рисуя положеніе школы мрачными красками, это лицо значительную часть вины въ этомъ взвалило на чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, причѣмъ, конечно, не упустило случая указать на свое безсиліе и одиночество, при всемъ желаніи преуспѣянія школѣ. Чиновники, изумленные этою рѣчью, выслушали ее до конца, но затѣмъ одинъ за другимъ начали говорить, что, напротивъ, школы совсѣмъ не такъ плохи, что у компетентнаго лица нѣтъ основанія этого говорить, что оно, за все время ихъ пребыванія въ участкахъ, ни разу ни одной школы не посѣтило. Компетентное лицо молчало, говорятъ. Оно имѣло уважительную причину, извинявшую его рѣчь; начальникъ губерніи, въ виду этого, самъ привялъ горячее участіе въ школахъ, и изъ всѣхъ другихъ вопросовъ съѣзда вопросъ о школахъ интересовалъ его больше всѣхъ. Онъ предоставилъ большія средства школамъ для бібліотекъ и учебныхъ пособій и вопреки мнѣнію компетентнаго лица просилъ чиновниковъ принять школу

подъ свое попеченіе. И это самое лучшее, чего можно желать для школы при настоящихъ условіяхъ.

Вообще же съѣздъ весьма многаго еще не разъяснилъ. Такъ вопросъ, поднятый о ругѣ причту, самый жгучій и требовавшій разрѣшенія, оставленъ открытымъ. Дѣло въ томъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ много раскольниковъ (*), послѣдніе отказываются платить ругу, и она ложится всею тяжестью на остальное населеніе. Точно также въ дѣлѣ постройки церквей раскольники отказываются платить на этотъ предметъ деньги, и этотъ расходъ опять падаетъ всею тяжестью на остальныхъ. На съѣздѣ этотъ вопросъ найденъ слишкомъ простымъ и предложено очень простое рѣшеніе: постановленіе схода сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ. Конечно, такое рѣшеніе ничего не рѣшаетъ и оставляетъ вопросъ открытымъ, лишь поселяя вражду между сектантами. Какое основаніе требовать отъ сектанта, католика, еврея и т. п., чтобы онъ участвовалъ въ тяжестяхъ другаго вѣроисповѣданія? Намъ кажется, что даже во имя нравственнаго вліянія на раскольниковъ и съ точки зрѣнія духовно-нравственнаго авторитета и репутаціи сами священники не должны очень налегать на сектантовъ съ матеріальной стороны. Вѣдь въ этомъ собственно и причины развитія раскола.

Вообще всѣ эти вопросы требуютъ больше внимательнаго изученія и обсужденія. Сами чиновники должны явиться на съѣздъ подготовленными, съ опредѣленными данными. Съѣзды даютъ имъ возможность всей своей корпораціей высказаться. И въ этомъ ихъ жизненное значеніе. Пусть придетъ на помощь при обсужденіи этихъ вопросовъ гласность и печать, въ каждой редакціи есть также матеріалы по этимъ предметамъ; только тогда съѣзды не будутъ мертвыми и канцелярскими. Иначе они потеряютъ всякое значеніе.

Ачинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ послѣднее время развились у насъ грабежи обозовъ. Не проходитъ положительно ни одного дня, чтобы обозы прослѣдовали благополучно: то два, то три мѣста чая срѣжутъ, а то и цѣлый возъ отвернуть. Случаи наспілій надъ ямщиками также нерѣдки. Губернское начальство буквально осаждено ямщиками телеграммами, и губернское начальство телеграммами же внушаетъ нашему исправнику принять мѣры къ охраненію обозовъ и къ розысканію похищенныхъ товаровъ. Но ни тѣхъ, ни другихъ мѣръ до настоящаго времени не предпринято, если не считать слѣдующаго „опыта“ исправника: проѣзжая какъ то ночью, онъ захотѣлъ дознаться, насколько безопасны ямщики, и отвернулъ одинъ возъ въ сторону, но, говорятъ, такъ жестоко заплатилъ за этотъ „опытъ“, что, вѣроятно, не рѣшится повторить его еще разъ. Самое опасное для обозовъ мѣсто—это 32 версты между городомъ Ачинскомъ и станціею Чернорѣченскою. На 16-й верстѣ отъ города село Покровское или Тарутинское, гдѣ притонъ всевозможныхъ проходимцевъ, не смотря на то, что здѣсь находятся резиденція земскаго засѣдателя и покровское волостное правленіе. Село это извѣстно по всему московско-иркутскому тракту, и уже за 1000 верстъ до него начинаютъ предупреждать проѣзжающихъ быть осторожными. Что покровительствуетъ существованію такого гнѣзда—опредѣлить не беремся, знаемъ только, что крестьяне покровскіе почти вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ, а предпочитаютъ наниматься въ пріисковую работу, гонять ямщину и вообще не держатся дома. Село довольно бѣдное и неприглядное и въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ не можетъ раздѣлаться съ писарскими растратами и казенными недвижками. Здѣсь, кстати, упомянемъ о дѣлахъ, возник-

шихъ по поводу злоупотребленій покровскихъ волостныхъ писарей, что можетъ дать читателю нѣкоторое представленіе о писарско-волостной чумѣ въ Сибири. Такъ, напр., въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ за растрату и тунный сборъ волостной писарь Р—скій былъ заключенъ въ арестантскую роту, а затѣмъ съ 1872 года началось и продолжается до настоящаго времени слѣдствіе о злоупотребленіяхъ волостныхъ писарей Д—ва и П—ва. Въ 1879 г. опять устраненъ отъ должности волостнаго писаря мѣщанинъ К—нъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ ачинскаго исправника барона Ф—ка; дѣло это также тянется производствомъ и переходитъ отъ одного чиновника къ другому и въ теченіе двухъ уже лѣтъ остается безъ всякаго движенія. Послѣ К—на покровскимъ писаремъ опредѣленъ крестьянинъ С—въ, тотъ самый, который вѣхалъ на ворономъ жеребцѣ въ зданіе ужурскаго волостнаго правленія, какъ мы сообщали въ прошлогодней корреспонденціи, и который еще за ужурское писарство состоитъ чуть ли не по 10 уголовнымъ дѣламъ подъ слѣдствіемъ. Дѣла эти присоединены по какому то случаю къ дѣлу о растратѣ суммъ въ покровскомъ волостномъ правленіи писарями Д—вымъ и П—вымъ, а дѣло этихъ послѣднихъ приобщено къ дѣлу о злоупотребленіяхъ исправника Ф—ка, и такимъ образомъ образовалось производство въ нѣсколько десятковъ томовъ. Теперешній покровскій волостной писарь, имѣющій за собой, конечно, нѣсколько томовъ въ этомъ колоссальномъ дѣлѣ, С—въ служитъ благополучно, не смотря на настоянія губернскаго начальства объ увольненіи его, не смотря на массу жалобъ и доносавъ. Онъ выстроилъ, говорятъ, хорошій домикъ на имя жены, и ухомъ не повелъ, когда въ знаменитомъ Рыковскомъ банкѣ лопнули его 6 тысячъ рублей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ прослужитъ еще долго, такъ какъ судьба его связана съ судьбою многихъ должностныхъ лицъ; Осипъ Алексѣевичъ (какъ величаютъ его всѣ—отъ исправника до послѣдняго поселенца) знаетъ это и спокойно заявляетъ, что если онъ пойдетъ, то и многіе съ нимъ пойдутъ.

Ишимъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). „Тяжелый годъ! Тринадцать лѣтъ ужъ такого года не было!“ вздыхаютъ наши крестьяне у возовъ съ хлѣбомъ, платя копейки по 80 за пудъ ржаной муки. Даже и тамъ, гдѣ хлѣбъ уродился, какъ, напримѣръ, въ Омѣ (Тарскаго округа), цѣны, благодаря вывозу, поднялись до неимовѣрной величины. Тѣ немногіе счастливы, у которыхъ отъ прошлыхъ годовъ накопились большіе запасы хлѣба, теперь гребутъ деньги лапатою. Тяжеленко за то приходится остальнымъ. Каждую субботу вы видите на площади громадный рядъ съ мясомъ и тушами, чего въ прошлые годы не бывало наканунѣ самыхъ большихъ праздниковъ,—это крестьяне продаютъ за безцѣнокъ скотину, чтобы купить хлѣба. Изъ ближнихъ и дальнихъ деревень каждую субботу привозятъ массами лѣсъ, доски и дрова на продажу. Въ теченіе четырехъ только базаровъ одинъ подрядчикъ накупилъ здѣсь 900 саженой дровъ (однопольныхъ); вырученныя деньги тутъ же переходятъ цѣликомъ въ карманы хлѣбныхъ торговцевъ. По улицамъ чуть ли не на каждомъ шагу попадаются мужчины и женщины, ищущіе работы. Въ кухарки идутъ по 80 коп. въ мѣсяцъ, и даже изъ-за одного хлѣба. Продають не только настоящій, но и будущій трудъ; немало самостоятельныхъ хозяевъ забрали хлѣбомъ и деньгами подъ отработку въ ближайшую страду. Еще одинъ такой годъ—и начнется настоящій голодь. Не очень то порадуетъ крестьянъ и урожай; сѣмена приведется покупать втридорога, а хлѣбъ въ случаѣ хорошаго урожая будетъ продаваться дешево. Разказываютъ, что лѣтъ тринадцать тому назадъ, послѣ подобной дороговизны, хлѣбъ при первомъ же урожаѣ упалъ до восьми коп. за пудъ. Есть, правда, у насъ магазины, которые каждый годъ исправно наполнялись крестьян-

*) Надо замѣтить, что священники никогда не показываютъ сектантовъ, говоря объ нихъ, что это *уклонившіеся* въ расколъ. Между тѣмъ, уклонившіеся не забывать, когда уклонились: ихъ отцы, дѣды и прадеды не принадлежали церкви. *Авт.*

скимъ хлѣбомъ; да горе то въ томъ, что наполнить то — ихъ наполнили, а получить изъ нихъ хлѣбъ безъ разрѣшенія начальства нельзя. Крестьянскіе уполномоченные уже и въ Тобольскъ ѣздили за разрѣшеніемъ, тамъ общали немедленно сдѣлать распоряженіе о выдачѣ хлѣба, а между тѣмъ и до сихъ поръ объ этомъ ни слуху, ни духу. Хорошо еще, если гдѣ есть изъ чего выдавать ссуды. А то бываетъ и такъ, что придутъ къ магазину, ожидаютъ найти около двухъ четвертей на человѣка, а на дѣлѣ не оказывается и половины. Такой случай имѣлъ мѣсто въ Черемшанской волости, гдѣ хлѣбомъ пользовался вахтеръ, котораго, увы, нѣтъ уже въ живыхъ. Съ него, конечно, взяты гладки, но что же дѣлало выборное волостное начальство? На этотъ вопросъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ недавняя исторія въ дер. Жиликовкѣ той же волости, гдѣ обнаружена растрата „подушныхъ“ волостными чинами. Собралось общество въ лицѣ 30 домохозяевъ и порѣшило описать у виновныхъ имущество: „вѣдь, если всякому все прощать и прощать, такъ это на нашу шею тоже вскочитъ!“ справедливо разсудили міряне. Надо замѣтить, что деревня Жиликовка теперь совершенно слдась съ городомъ, и жители ея большей частью бросили занятіе земледѣіемъ, а землю отдають въ аренду. Но, при здѣшнихъ цѣнахъ на землю, арендныхъ денегъ далеко недостаточно для покрытія всѣхъ платежей, и послѣдніе приходится вносить изъ личнаго заработка. Между тѣмъ, какіе здѣсь заработки, особливо въ нынѣшнѣмъ году? А тутъ еще, по милости волостнаго начальства, плати два раза! И вотъ для устранения этой неурядицы и улучшения быта крестьянъ, говорятъ, явились къ намъ „новые чиновники“. Но по врожденной здѣшнему мужику тупости, ему все мерещится, будто кто то его хватаетъ за борть азяма, либо бьетъ по зубамъ. Все это, конечно, не болѣе какъ галлюцинаціи мужицкаго воображенія. Распускаются слухи, будто „нѣкто“ беретъ съ волостныхъ писарей по 200 руб. за назначеніе на должность противъ воли крестьянъ; болтають еще, будто одинъ волостной сходъ трижды отвергалъ предложеннаго кандидата, но тогда раздалось грозное „запор-р-р-рю!“ (вольнѣйшій переводъ латинскаго: quos ego!), которое и рѣшило дѣло. Рассказываютъ, будто крестьяне выражаются объ одномъ „новомъ“ въ такомъ родѣ: „прежде бралъ засѣдатель да писарь, а теперь засѣдатель беретъ, писарь беретъ, и тоже беретъ“. Передаютъ еще, будто тоже лицо получило анонимное письмо, подписанное псевдонимомъ „пробуждающаяся общественная совѣсть“ и содержащее въ себѣ цѣлый рядъ запросовъ по поводу слуховъ и толковъ, которые носятъ въ городѣ.

Тулутай, Забайкальской области (корресп. „Восточн. Обозр.“) Послѣ того, какъ планъ на земли кужертаевскихъ тунгусовъ, составленный землемѣромъ Лосевымъ въ 1807 году, былъ вытребованъ забайкальскимъ областнымъ правленіемъ въ 1868 году и отосланъ къ областному землемѣру, онъ потерялся и нигдѣ не оказывается. Съ этого времени тунгусы кужертаевской управы начинаютъ терпѣть разныя невзгоды то отъ агинскихъ бурятъ, то отъ чрезмѣрнаго высасыванія ихъ со стороны земскихъ засѣдателей. Въ 1876 году чертежникъ Ситниковъ и бурятскіе довѣренные составляютъ мировую сдѣлку въ пользу агинскихъ бурятъ: запойвъ и застрахавъ тунгусскихъ довѣренныхъ, заставляють ихъ подписать этотъ документъ, въ которомъ вмѣсто 104 душъ бурятъ, будто бы кочующихъ издавна по этимъ мѣстамъ, помѣщаютъ 105 юртъ. Достигнувъ этого съ помощью своей мошеннической уловки, бурятское начальство нагоняетъ отовсюду сюда своихъ бурятъ, чтобы окончательно завладѣть чужимъ достояніемъ. Между тѣмъ мировая сдѣлка, составленная при такой обстановкѣ, оказывается незаконной, потому что подписавшіе ее тунгусы не были на это уполномочены своимъ обществомъ и

довѣренности не имѣли. Поэтому довѣренными кужертаевскихъ тунгусовъ было подано два прошенія на имя г. генераль-губернатора Восточной Сибири въ 1879 и 1882 годахъ, въ которыхъ они просили произвести законное слѣдствіе. По второму прошенію въ томъ же году отъ г. военного губернатора Забайкальской области затребовано объясненіе; но никакого объясненія и до сихъ поръ оттуда не получено. Между тѣмъ довѣренный тулутаевскихъ тунгусовъ подаетъ два же прошенія г. военному губернатору Забайкальской области въ 1882 и 1883 годахъ все по тому же дѣлу и также безъ всякаго результата. Вообще тунгусскія справедливыя просьбы преспокойно лежатъ въ присутственныхъ мѣстахъ подъ сукномъ; а бурятскія, подкрѣпляемыя обильными приношеніями, пускаются тотчасъ же въ ходъ, и рѣшенія по нимъ исполняются земскими засѣдателями энергично. Такъ, по просьбѣ бурятскихъ довѣренныхъ Цыбыкъ Галданова и Доржи Тубчинова, въ первыхъ числахъ августа наѣзжаетъ сюда земскій засѣдатель Д. и живетъ у бурятъ, проживающихъ близъ Тулутая, нѣсколько дней: гоститъ онъ у того самаго бурята, который на основаніи положительныхъ данныхъ виновенъ въ кражѣ трехъ быковъ у тулутаевскаго тунгуса и въ продажѣ одного быка еврею на пріискъ, а двухъ читинскому мяснику изъ русскихъ. Въ первые дни своего гулянья у бурятъ Д. наѣзжалъ къ нѣкоторымъ тулутаевцамъ побогаче. Такъ къ одному изъ нихъ Д. обращается съ такимъ вопросомъ. „Нѣтъ ли у тебя, старина, бумажки?“ Не понявъ такого многозначительнаго вопроса, старикъ подаетъ его благородію лоскутъ писчей бумаги. — „Эхъ! не такую бумажку мнѣ нужно!“ Приходитъ довѣренный тулутаевскихъ тунгусовъ, къ которому онъ обращается съ такимъ же вопросомъ. Довѣренный, не понявъ этого вопроса, подаетъ засѣдателю уже цѣлый листъ. „Неужели у васъ нѣтъ пятидесяти рублей?“ сказалъ военъ (начальникъ). Получивъ отвѣтъ о неимѣніи такой суммы, Д. уходитъ недовольный, и на другой же день своей властью рѣшаетъ споръ въ пользу бурятъ. 7-ое августа 1883 года слѣдуетъ записать въ исторію сибирскихъ насилій—въ этотъ день земскій засѣдатель Д., собравъ 20 бурятъ, вооруженныхъ топорами, вышелъ съ ними на подвигъ: они начали рубить городьбу, которою тулутаевскіе тунгусы огородили свои покосы и поля. Самъ засѣдатель съ топоромъ въ рукѣ началъ, а буряты продолжали дѣло разрушенія тунгусскаго достоянія. Чтобы тунгусы не могли исправить свою городьбу, колья и жерди перерубались и дѣлались нигуда негодными. Такъ городьба была разрушена на протяженіи семи верствъ. Въ городьбѣ у тунгусовъ, кромѣ сѣна, было до 70 десятинъ посѣяннаго хлѣба, который былъ предоставленъ на сѣденіе бурятскому скоту. Можете представить, какой переполохъ среди тулутаевцевъ надѣлало это мамаево-разрушеніе. У нихъ не было никакихъ средствъ защитить свое достояніе отъ разрушенія! Чтобы не лишиться послѣдняго, тулутаевцы впопыхахъ кидаются убирать свой хлѣбъ. При такой спѣшной работѣ много было потрачено хлѣба, а до 12 десятинъ совершенно сѣдено бурятскимъ скотомъ. Такимъ образомъ, благодаря такимъ самопроизвольнымъ дѣйствіямъ засѣдателя Д., тулутаевцы остались раззоренными и совершенно беззащитными. При такомъ, можно сказать, безотрадномъ положеніи они недоумѣвають, къ кому должны обратиться за защитой отъ такого произвола, когда всѣ законные пути для этого имъ совершенно закрыты и на ихъ просьбы не только не дѣлають никакого распоряженія, но даже не отвѣчаютъ.

Верхнеудинскъ (коресп. „Восточнаго Обозрѣнія“). То, что въ Россіи признано неудобнымъ, прививается къ Сибири. Начальство объѣзжало волости Забайкальской области и вводило положеніе, дарованное крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, раздробляя каждую волость на нѣсколько воло-

стей, *) но какъ это отзовется на населеніи, и по силамъ ли будетъ это преобразование? И безъ того падаетъ разнаго сбора до 15 руб. на душу, а тутъ потребуется новое добавленіе на много излишнихъ предметовъ; возьмемъ для примѣра Урлукскую волость, раздробленную на семь волостей, для каждой изъ нихъ является насущной потребностью два дома — одинъ для волости, другой для кордона, причемъ будетъ нуженъ ремонтъ и освѣщеніе съ отопленіемъ; затѣмъ на сцену выступаютъ писаря, сборщики, деньщики, кордонщики, рассыльные, ручники, сторожа и т. д., не говоря о выборныхъ властяхъ, засѣдающихъ въ волости, и принимая во вниманіе, что ранѣе отъ всей Урлукской волости пріѣзжалъ для сдачи въ верхнеудинское казначейство податныхъ денегъ одинъ только сборщикъ съ рассыльнымъ, и расходы на путевыя издержки упали на всѣхъ жителей волости; сейчасъ же мы видимъ ново-созданныхъ шесть волостей и, вмѣсто одного, семь уже сборщиковъ съ семью рассыльными; затѣмъ прогулка, отъ 250 до 500 верстъ, съ наймомъ лошадей и содержаніемъ въ городѣ и въ дорогѣ имѣеть также замѣтную дозу расхода, такъ что по исчисленію, включая расходы разныхъ лицъ по службѣ, новое положеніе прибавитъ излишняго налога въ одной только Урлукской волости до 10.000 руб. въ годъ; спрашивается, сколько его прибавится по всѣмъ волостямъ Восточной Сибири, а не надо забывать что Урлукская волость и такъ уже голодаетъ другой годъ отъ неурожая хлѣбовъ

РОССІЙСКІЕ ЛЮДИ ВЪ СИБИРИ **).

(Очеркъ сибирскаго крестьянства).

Ежегодно изъ Россіи въ Сибирь, какъ извѣстно, отправляются десятки тысячъ людей—одни добровольно, другіе по-неволѣ; одни затѣмъ, чтобы служить, другіе, чтобы цивилизовать дикую страну, а третьи просто отживать сроки въ качествѣ поселщиковъ. Но вообще россійскіе люди идутъ въ Сибирь наживать, если позволительно такъ обобщать факты.

Въ предметъ моей статьи, однако, не входятъ служилые люди и цивилизаторы, біографіи которыхъ и безъ того довольно часто украшаютъ страницы „Восточнаго Обозрѣнія“. Исключаю я также переселенцевъ, называемыхъ здѣсь „новоселами“. Я займусь лишь одной категоріей россійскихъ людей—„посельщиками“, подъ которыми сибирскіе крестьяне разумѣютъ всѣхъ есылныхъ, начиная съ сосланныхъ административно, по приговорамъ обществъ, и кончая отбывшими сроки каторги.

Изучая бытъ сибирскаго крестьянина, прежде всего наталкиваешься на необходимость узнать тѣ внѣшнія условія, которыя далеко не похожи на условія существованія россійскаго крестьянина. Между другими вліяніями чисто мѣстнаго свойства видное мѣсто занимаютъ и россійскіе люди помя-

*) При введеніи положенія слѣдовало бы предварительно разъяснить крестьянамъ, желаютъ ли они дробить волости, а тутъ дѣлалось совершенно иначе: приговоры заготовлялись ранѣе чиновникомъ М—мъ, какъ это было въ Тарбагатайскомъ селеніи; довѣреннымъ крестьянъ 265 чаловѣкамъ была объяснена полезность дробленія, и крестьяне подписывали безапелляціонно; а затѣмъ, когда повали, раскаялись, но было уже поздно.

**) Настоящій очеркъ принадлежитъ одному изъ даровитыхъ наблюдателей; онъ рисуетъ рельефно, какое вліяніе оказываетъ уголовная ссылка на крестьянскую среду.

Ред.

нутой категоріи, т. е. поселщики. Правда, по деревнямъ ихъ остается немного; большая часть ихъ остаются по городамъ, гдѣ имъ во всѣхъ отношеніяхъ легче добывать пищу. Помимо того, развращенные лѣнливимъ ничего-недѣланіемъ по тюрьмамъ, они съ величайшей неохотой рѣшаются на тяжелый сельскій трудъ. Заработковъ по городамъ мало, ремесла оплачиваются ничтожно, но это не пугаетъ поселщика. Не пугаетъ его и жалкая собачья жизнь. Если вы хоть нѣсколько недѣль побыли въ городѣ, вы натолкнетесь на рядъ слѣдующихъ картинъ. День. 40-градусный морозъ. По улицѣ идетъ, подпоясывая, челоуѣкъ. Одѣтъ онъ такъ: голова съ ушами повязана платкомъ; на плечахъ женская кофта; вмѣсто штановъ холщевые арестантскіе портки; ноги обуты въ коты, наполненные соломой, кромѣ того, ноги обвернуты тряпицами и перевязаны веревочками. Кто это? Посельщикъ. Странное одѣжаніе его означаетъ только, что казенную одежду онъ пропилъ или проигралъ въ карты еще въ острогѣ. Но спрашивается, что онъ дѣлаетъ въ городѣ. Отвѣтъ получается немедленно. Вчера ночью, рассказываютъ вамъ, два „неизвѣстныхъ челоуѣка“ напали на мѣщанина А., несшаго на плечахъ полпуда муки, и стали его бить, отнимая мѣшокъ... Третьяго дни „какіе то люди“ кинулись на солдата, сняли съ него шинель и шейный платокъ, а его самого чуть не задушили... А сегодня, среди бѣлаго дня, жуликъ вдругъ бросился на Б., ѣхавшаго на санихъ извозчика, сорвалъ съ него шапку и убѣжалъ. Такихъ событій въ городѣ тысячи. Городскіе сибиряки въ немъ до такой степени привыкли, что пропускаютъ мимо ушей даже болѣе крупныя грабежи, какъ нѣчто обыденное. О полиціи въ такихъ случаяхъ, конечно, не слышно; ночные сторожа смертельно боятся „жуликовъ“. Никакихъ активныхъ мѣръ не предпринимаютъ и обыватели: они только запираютъ покрѣпче ворота, сажаютъ собакъ на цѣпь; идя по улицѣ днемъ, озираются, а выходя изъ дому ночью, держатся за карманы. Я хочу этимъ сказать, что въ городѣ обыватели относятся къ поселщикамъ пассивно: поселщики нападаютъ, обыватели обороняются—вотъ и все.

Иначе дѣло стоитъ по деревнямъ. Тамъ между крестьянами и поселщиками идетъ борьба активная, не умолкающая, ожесточенная. Эта борьба по средствамъ и по результатамъ отвратительна, потому что развращаетъ обѣ стороны. Впрочемъ, не забѣгая впередъ, продолжаю рассказъ.

Я сказалъ, что поселщиковъ по деревнямъ немного. Большая часть ихъ сосланы по мірскимъ приговорамъ. Эти живутъ смиренно. Они рады, что въ Сибири, какъ неожиданно оказалось, имъ можно жить по меньшей мѣрѣ не хуже прежняго. Но взаимное недовѣріе между ними и обывателями такъ уже велико, что послѣдніе и къ нимъ относятся недоброжелательно. Крестьяне боятся ихъ. Для сибиряка россійскій грежде всего непремѣнно жуликъ. Крестьянинъ высоко цѣнитъ знанія и умственные способности россійскаго, но не ставитъ въ грошъ нравственной его стойкости. Россійскій, напротивъ, глядитъ на сибиряка свысока, презрительно; для него чалдонъ—синонимъ дикости и необразованности. Вотъ буквальный отзывъ одного мирнаго поселщика. „Сибирякъ—онъ, ничего себѣ, хорошъ, но супротивъ россійскаго не выдержитъ... Онъ и добѣръ, и все прочее, но супротивъ россійскаго—нѣтъ, гдѣ же ему... Сухой онъ какой-то, ласковости въ немъ нѣтъ, однимъ словомъ, жесткая въ немъ душа“...

И вотъ живутъ въ одной деревнѣ поселщики и крестьяне

и враждуютъ. До поры до времени они спокойно уживаются, но малѣйшій поводъ—и двѣ стороны бросають другъ въ друга убійственные упреки. Сибиряки называютъ поселщиковъ— „острожниками“, а эти послѣдніе клеймятъ тѣхъ „тратато-нами желторотыми“ и „лѣсными звѣрями“. Матеріальная побѣда всегда остается на сторонѣ сибиряка. Поселщикъ бѣденъ, лишень нѣкоторыхъ правъ, деморализованъ, тогда какъ его противникъ находится у себя дома, обладаетъ всѣми правами и богаче. Сибирякъ вытопчетъ у поселщика хлѣбъ въ полѣ, выкоситъ часть его луговъ, захватитъ долю его земли—поселщикъ безсиленъ бороться. Поселщику мѣръ даетъ земля худшаго качества. Во всѣхъ другихъ случаяхъ деревенской жизни сибирякъ держитъ поселщика въ экономической зависимости, играя по отношенію къ нему роль кулака. Такимъ образомъ въ сибирской деревнѣ, помимо индивидуальных различій, есть два сословія: мѣстные крестьяне—господствующее сословіе и поселщики—подчиненное.

Что касается меньшинства, состоящаго изъ тѣхъ птицъ, о которыхъ я сказалъ выше, то отношенія ихъ къ обывателямъ деревни устроиваются еще хуже. Крестьянинъ, сжившійся съ мыслью, что каждый російскій человѣкъ есть жуликъ, поступаетъ съ дѣйствительными жуликами безжалостно, жестоко, поазіатски, какія бы намѣренія ни были у поселщика. Выйдя изъ партіи, поселщикъ отправляется къ мѣсту своей приписки—въ деревню. Если это окончательно пропацій человѣкъ, то онъ, конечно, принимается за старое свое „рукомерло“—воруетъ лошадей, сдираетъ шкуры съ коровъ, залѣзаетъ въ амбары. Крестьяне не пытаются ловить его для правосудія, которое въ этомъ случаѣ не дѣйствуетъ, но если онъ попадетъ, просто своимъ судомъ расправляются съ нимъ, часто до смерти. Но до такой крайности рѣдко доходитъ дѣло. Поселщикъ, нѣсколько разъ убиваемый (но почему либо не убитый), покидаетъ деревню навсегда и отправляется въ городъ (иногда безъ нѣсколькихъ реберъ), гдѣ менѣе риска добывать пищу.

Другой случай жизни поселщика—это тотъ, когда онъ, почему либо не совсѣмъ испорченный, но приходѣ въ деревню ищетъ честной работы. Находитъ онъ ее обыкновенно въ видѣ найма въ батраки. Жизнь батрака нигдѣ не сладка, но у сибирскаго крестьянина поселщикъ выноситъ то, что онъ раньше и представить себѣ не могъ. Сибирякъ буквально не даетъ своему работнику отдыха, выжимая изъ него все, что тотъ способенъ дать, потому что опять таки оправдываетъ себя мыслью, что съ острожникомъ и жуликомъ нечего особенно церемониться. Это общее мнѣніе всѣхъ поселщиковъ, и ему нѣтъ основанія не вѣрять, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ вспоминаютъ свое батрачество съ добродушнѣйшимъ юморомъ.—Кормитъ онъ хорошо, говоритъ про сибиряка поселщикъ, это надо правду сказать, но что касательно работы—уморить, чисто нехристь!.. „Ты, братанъ (передразниваетъ поселщикъ своего хозяина), иди поскорѣя туда то, а тамъ по-пути захвати ту колоду“... Да такъ день—деньской и ходишь все „по—пути“ и до такой мѣры уморишься, что гдѣ стоишь, тамъ и захрапишь. А на утро онъ опять говоритъ: „иди ты теперь, братанъ, въ рѣку, да тамъ ужъ по—пути свороти гору!“ Очень невѣжливые эти братаны!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ установились между поселщиками и крестьянами такія ненормальныя отношенія, что трудно и придумать болѣе развращающихъ условій. Дѣло

вотъ въ чемъ. Придя въ деревню голымъ, бездомнымъ и голоднымъ, поселщикъ радъ всякой работѣ, какъ бы ни была она невыгодна. Какова же радость, когда онъ неожиданно наталкивается на такое предложеніе: ему даютъ избу со всѣми принадлежностями, лошадь, корову, овецъ, хлѣба, мяса, домашнюю утварь, словомъ все, что требуется земледѣльцу, съ однимъ лишь условіемъ—работать бесплатно на давальца—крестьянина и во всемъ подчиняться ему; сѣять его землю, косить его сѣно, ходить за его скотомъ, вообще работать только на него. Сперва поселщика поражаетъ это предложеніе, и онъ съ радостью хватается за него. Но потомъ съ теченіемъ времени радость его исчезаетъ. Жизнь на всемъ готовомъ деморализуетъ его. Прежде всего, его начинаетъ тяготить рабство; затѣмъ, онъ дѣлается равнодушнымъ ко всему; потомъ, разлѣнивается, начинаетъ предаваться пьянству, опускаясь все ниже и ниже; наконецъ, пропиваетъ хозяйскія вещи, послѣ чего хозяинъ выгоняетъ его. Но это лучшій случай. Нѣкоторые же отъ этихъ крѣпостныхъ условій до такой степени нравственно ослабѣваютъ, что до конца жизни продолжаютъ жить на всемъ готовомъ.

Какъ такое явленіе отзывается на самихъ хозяевахъ, на крестьянахъ?

Россійскіе люди вліяютъ на крестьянъ, кромѣ такихъ косвенныхъ путей, чаще всего прямо, заманивая ихъ жаждой скорой наживы въ темныя предпріятія чисто мошенническаго пошиба. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я расскажу о другихъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на сибирскаго крестьянина.

II.

ТАШКЕНТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Въ 5 № „Турк. Вѣд.“ помѣщено письмо г. Остроумова, редактора „Азіатской Газеты“, по поводу нашей замѣтки „Туркестанскія Вѣдомости“, напечатанной въ 52 № „Вост. Обзор.“ Мы затрудняемся, какъ назвать это письмо—возраженіемъ или опроверженіемъ, потому что г. Остроумовъ, не смотря на свое желаніе, ничего не опровергаетъ, а возражаетъ очень слабо, да и не совсѣмъ логично.

Въ вышеупомянутой нашей замѣткѣ мы говорили, что „Азіатская Газета“ читается очень немногими; на это г. Остроумовъ возражаетъ, что газета выписывается 355 должностными лицами изъ туземцевъ. Полагая, что можно выписывать газету и въ то же время не читать ее, тѣмъ болѣе въ туркестанскомъ краѣ. Г. Остроумовъ указываетъ, что она выписывается должностными туземцами—такими лицъ, по нашему мнѣнію, едва ли можно считать подписчиками и читателями. У насъ въ краѣ бывали случаи, что туземцы, по предложенію начальства, жертвовали на постройку христіанскихъ храмовъ, на развитіе миссіонерской дѣятельности, на памятники русскимъ писателямъ, причѣмъ такими жертвователями были кочующіе безграмотные киргизы; не мудрено, что изъ числа 2,000,000 туземцевъ 354 рѣшились пожертвовать по 2 или по 3 рубля на выписываніе „Аз. Газ.“, тѣмъ болѣе, что подписываться на эту газету уѣздные начальники предлагая тѣ волостнымъ управителямъ, аксакаламъ и другимъ должностнымъ лицамъ.

Числомъ такихъ то подписчиковъ и 47 частными подпис-

чиками полагають г. Остроумовъ разбить насъ въ пухъ и прахъ и доказать, по его выраженію, неточность и несправедливость нашей замѣтки.

Не странно ли, что газета, существуя около десяти лѣтъ, имѣетъ только 700 подписчиковъ! И г. Остроумовъ, повидимому, гордится такими блестящими результатами. 47 подписчиковъ частныхъ—блестящій успѣхъ! У рѣдкаго редактора или редакціи и сотрудниковъ не найдется 47 знакомыхъ, которые будутъ не прочь внести 2—3 рубля для выписки газеты.

Затѣмъ г. Остроумовъ говоритъ, что „Азіатская Газета“ преслѣдуетъ правительственныя цѣли (которыхъ онъ впрочемъ не разъясняетъ), и мы не сомнѣваемся, что газета преслѣдуетъ правительственныя цѣли, но достигаетъ ли она этихъ цѣлей—вотъ вопросъ. У насъ въ краѣ многое прикрывалось правительственными цѣлями: было и коннозаводство, и фермы, и шелководни, преслѣдовавшія правительственныя цѣли и дававшія возможность жить на широкую погу гг. Ледоколовымъ, Савенковымъ et tutti quanti. Результаты десятилѣтняго существованія „Азіатской Газеты“ пока вовсе не видны; даже многіе туземцы ея не долюбливаютъ, а выписывать—выписываютъ. Напрасно г. Остроумовъ заводитъ также рѣчь о барышахъ, о которыхъ мы и не заикались.

Что касается нашей догадки о цѣляхъ существованія „Азіатской Газеты“, то эта догадка, какъ и всякая другая, имѣетъ свой *raison d'être*. Первая посылка—газета почти никѣмъ не читается; вторая посылка—цѣлей своихъ она не достигаетъ.

Вопросъ—кому она приноситъ пользу? Выводъ—болѣе всѣхъ редактору, получающему солидное жалованье. Мы не говорили ни о г. Остроумовѣ, ни Ивановѣ, ни Балвановѣ, а говорили о редакторѣ. Напрасно г. Остроумовъ полагаетъ, что мы незнакомы съ содержаніемъ „Азіатской Газеты“, между тѣмъ, какъ редакціи „Восточнаго Обозрѣнія“ нами доставленъ и № газеты и переводъ его; что мы ея не читаемъ, это вѣрно—нельзя же убивать время на чтеніе всякой печатной стряпни. А что это дѣйствительно стряпня, и довольно безолаберная, мы это сейчасъ докажемъ.

Возьмемъ выдержку хотя № 23 за 1883 годъ. Въ немъ говорится: 1) о леченіи отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, причемъ рекомендуется средство какого то доктора Буале; 2) о движеніи албанцевъ въ Турцію (не можемъ удержаться отъ смѣха—сарты, киргизы, албанцы и Турція); 3) о саранчѣ въ Россіи; 4) о дѣлахъ Японіи, съ Китаемъ; 5) о семинаріяхъ въ Ташкентѣ; 6) о керосинѣ; 7) о воздушномъ шарѣ въ Парижѣ; 8) о туннеляхъ; 9) о каналахъ; 10) о докторахъ; 11) о машинкѣ для письма; 12) о телеграфномъ сообщеніи въ Сибири, 13) о хлопкѣ въ Египтѣ; 14) о холерѣ въ Египтѣ; 15) о нижегородской управѣ; 16) о газовомъ освѣщеніи и 17) о календаряхъ. Остается только закончить № газеты восклицаніемъ: „а знаете ли, что у алжирскаго дея подь самымъ носомъ большая шишка?“ Въ чемъ выяснились цѣли, которыя преслѣдуетъ правительство, мы въ этомъ № не видали. И весь этотъ винигретъ втиснуть въ весьма миниатюрный листокъ. Имѣетъ ли туземецъ понятіе объ албанцахъ, о Парижѣ, о воздушномъ шарѣ и т. п.? Очевидно, что, если ему трактуютъ въ 4 строкахъ объ аэростатѣ и другихъ предметахъ, то онъ не можетъ себѣ составить о нихъ надлежащее понятіе.

Г. Остроумовъ въ заключеніе ставитъ намъ какъ бы въ упрекъ, что наша замѣтка безъ подписи—вина не наша, да и ничья; всѣ замѣтки въ редакцію посылаются съ подписью и отъ нея зависить печатать подпись или нѣтъ, да и какая бы была кому оттого польза, еслибъ подь замѣткой стоялъ нашъ псевдонимъ. Г. Остроумовъ можетъ заподозрѣвать (а не заподозривать, какъ пишетъ г. Остроумовъ) нашу корреспонденцію въ искренности, что для насъ безразлично—не всѣ же обращаютъ вниманіе на подпись, а найдутся кто вникнетъ и въ смыслъ.

Г. Остроумовъ говоритъ, что газета имѣ издается на сартскомъ нарѣчій. Это—новое открытіе. Есть нарѣчія узбековъ, таджиковъ, джагатайцевъ и другія, но ни сартскаго, ни сартовскаго нарѣчія не существуетъ, равно какъ и нѣтъ народности сартовъ, а слово „сартъ“ употребляется туземцами, какъ бранное.

Въ заключеніе скажемъ, что возраженіе г. Остроумова легковѣсно, несущественно и неостроумно. Впрочемъ, когда г. Остроумову заниматься такими мелочами! Онъ директоръ гимназіи, учитель, редакторъ, сотрудникъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“, членъ разныхъ комиссій—тутъ еле-еле можно успѣвать получать жалованье, а не только писать возраженія, ничего не опровергающія!..

Туркестанскій Туристъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ ДѢЛѢ ВЪ СИБИРИ.

Помѣщаемъ слѣдующее интересное извлеченіе изъ письма инженера Брецинскаго въ „Межевомъ Вѣстникѣ“ за мартъ настоящаго года: письмо это бросаетъ свѣтъ на сибирское хозяйство и указываетъ новыя способы межеванія. Вопросъ этотъ близко связанъ съ поземельнымъ устройствомъ Сибири.

„Хотя въ Сибири, говоритъ авторъ письма, и существуетъ для крестьянъ нормальный душевой надѣлъ по положенію, но тѣмъ не менѣе сибирское крестьянство привыкло къ многоземелью: оно со дня заселенія или самовольнаго захвата владѣетъ землею безъ мѣры и границъ, на сколько охватитъ глазъ, благодаря простору. Болѣе распространенная здѣсь форма хозяйства—скотоводство—земледѣльческая. Съ одной стороны отсутствіе въ краѣ удобныхъ путей сообщенія затрудняетъ сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ, а съ другой—мѣстныя климатическія условія не позволяютъ съ успѣхомъ разводить хлѣбныя растенія; поэтому скотоводство здѣсь считается основой хозяйства, тогда какъ земледѣліе—лишь подспорьемъ. Не касаясь аграрнаго вопроса вообще и размѣровъ установленнаго для крестьянъ надѣла, замѣчу только, что всякій нормальный надѣлъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, но если обусловливаетъ отрѣзку излишней земли, долженъ произвести насильственный переворотъ съ системѣ хозяйства, и если онъ будетъ произведенъ безъ предварительной къ тому подготовки населенія, прямо постановкою на указанныхъ границахъ межевыхъ знаковъ, то способенъ вызвать протесты населенія. Если же населеніе, кромѣ того, рядомъ пѣкоторыхъ предварительныхъ дѣйствій будетъ какъ бы укрѣпляемо въ ложномъ понятіи о правѣ пользованія захватными землями, какъ о правѣ неотъемлемомъ, то протесты при отрѣзкѣ излишнихъ противу надѣла земель могутъ быть въ значительной степени энергичны. Примѣры подобныхъ недоразумѣній случались въ Пермской губерніи, въ которой практи-

куются межевыя дѣйствія, почти одинаковыя съ употребляющимися при этомъ въ Сибири. Чтобы измѣрить какую либо дачу, для проектированія въ ней надѣла, измѣряютъ по окружной границѣ существующаго владѣнія длину линий, непосредственно цѣпью и на поворотахъ астролябическіе углы, въ присутствіи депутатовъ отъ смежныхъ селеній и понятыхъ людей, — однимъ словомъ, соблюдаютъ все тѣ формальныя дѣйствія, какія производятся при юридическомъ межеваніи. При этомъ крестьяне показываютъ ту землю, которою они пользуются, отстаиваютъ ее отъ посягательства смежныхъ общинъ и владѣльцевъ, какъ свою собственность; понятые клянутся въ томъ, что будутъ вѣрно показывать дѣйствительное землепользованіе каждой общины, а землемѣръ не только производитъ дознаніе объ обширности земель общины, но, какъ крестьянамъ кажется, закрѣпляетъ за сторонами всю захватную землю, потому что обмѣряетъ ее по границамъ — по ихъ выраженію, „цѣпь проведетъ“ по гранямъ и знаковъ съ гербами „орлевныхъ“ наставитъ. Рядъ такихъ дѣйствій приводитъ къ тому, какъ это случалось въ Пермской губерніи, что, когда послѣ подобнаго измѣренія дачи землемѣромъ межевой комиссіи является землемѣръ государственныхъ имуществъ для нарѣзокъ надѣла изъ общей площади той дачи, то крестьяне его не допускаютъ, и тогда возникаетъ, такъ называемое, дѣло о противодѣйствіи межеванію.

Къ этому должно еще присовокупить, что границы крестьянскаго захватнаго землепользованія въ солонцеватыхъ степяхъ и сѣверныхъ низинахъ настолько обширны, что главная затрата времени и труда техника падаетъ на обходъ

тѣхъ границъ, которыя однако при окончательномъ межеваніи должны измѣниться и имѣютъ значеніе лишь для утвержденія проекта нарѣзокъ, слѣдовательно снимаются съ указанными формальностями не болѣе какъ на мѣсяць. Въ Сибири нерѣдко встрѣтитъ линію окружной межи длиной въ 100 и болѣе верстъ. Юдинская волость граничитъ съ Алтаемъ по одной только линіи въ 168 верстъ. Измѣрив длину такой линіи непосредственно цѣпью, техникъ надѣлаетъ ошибку въ нѣсколько верстъ и уйдетъ на это, по 108 ст. меж. зак., времени болѣе 2 мѣсяцевъ“.

„Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, взамѣнъ непосредственнаго измѣренія границъ захватныхъ земель, я предлагаю слѣдующій способъ, не вдаваясь въ техническія подробности. По моему мнѣнію, границы захватнаго пользованія не слѣдуетъ измѣрять непосредственно цѣпью съ инструментами, а опредѣлять ихъ преимущественно тригонометрическимъ путемъ, при помощи угломѣрныхъ инструментовъ. Изъ опыта, произведеннаго въ прошломъ году, сокращеніе лѣтняго труда, сравнительно съ тѣмъ, какой требуется на эту работу по урочному положенію межевыхъ законовъ, достигаетъ отношенія 1:10. Къ этому присовокупляется еще та выгода, что получаемая при этомъ сѣтъ треугольниковъ можетъ служить опорой и для съемокъ внутренней ситуаци. Одно развѣ неудобство за этимъ способомъ то, что онъ совершенно недоступенъ для техниковъ „самоучекъ и учениковъ“, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много въ составѣ межевыхъ чиновъ въ Сибири“.

НЕУДАЧИ И УСПѢХИ НАШИХЪ ЦИВИЛИЗАТОРОВЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

Встрѣча съ Ледоколовымъ. — Какъ онъ разрѣшаетъ все вопросы. — Его недавняя неудача. — Изъ Индіи да въ Малоярославецъ. — Новые планы. — Должность при Муксунахъ и карьера на тѣлесахъ. — Балалайкины и его судьба. — Какъ мы очутились въ Малоярославецъ. — Двѣ гостинны. — Моментъ — предсказатель. — Мрачныя предчувствія. — Недоумѣвающий Гамадриль.

Я всегда люблю встрѣчать рыцаря-цивилизатора Ледоколова, который, рыская отъ Амура до Ташкента, временами передо мною точно изъ земли вырастаетъ, но сознаюсь — при нѣкоторой радости у меня всегда является нѣкоторая задняя мысль, „кого онъ теперь обездолил!“

На основаніи продолжительныхъ наблюденій я убѣдился, что дѣло цивилизаціи безъ этого обойтись не можетъ, какъ безъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, двойныхъ прогоновъ и нѣкотораго частнаго кредита, попросту займа безъ отдачи. Собственно этого никогда не скрывалъ и Ледоколовъ. — Нельзя же, братецъ, говорилъ онъ, чтобы такъ ужъ нигдѣ ущерба не было, чтобы все даромъ дѣлалось (подъ именемъ не даромъ онъ разумѣлъ, конечно, и двойныя смѣты, и развѣзды, и карточные долги). Даромъ ничего не дѣлается, прибавлялъ онъ.

— Это правда! соглашался обыкновенно я. — Такъ, братъ, чтобы уже все въ поровну было, чтобы и русскимъ интересамъ, и иноплеменникамъ было тепло, это невозможно. Посмотри, какъ по тарыкъ-арбатырскому вопросу Моментъ въ „Помояхъ“ описалъ. Теперь степи, кочевой бытъ, сартовское садоводство, земли, разные дзякеты, да и все такое азиатское... Да неужели намъ этимъ дорожить! Чортъ его

подери, вымирай хоть все эти фараоны. Намъ мѣсто нужно! Понимаешь — намъ... Тутъ, братъ, историческое призваніе!

— Люблю, я, братъ, Ледоколовъ, какъ ты сразу все это вопросы разсѣкаешь, говорилъ я.

— А еще бы думать! Теперь, если ты принялся шелководство насаждать, хлопокъ растить, сахарный тростникъ разводить, винодѣліе, неужели же намъ предъ этой Азіей и какимъ нибудь скотоводствомъ останавливаться, къ чертямъ всю Азію! Тутъ энергія нужна и суммы! Безъ суммъ тоже ничего не подѣлаешь; орошеніе создать, мосты, вѣтряные двигатели строить, мужика переселять — на все нужны суммы и суммы. Только бы контрольныя палаты не вмѣшивались, а то дѣло цивилизаціи поидетъ!

И пояснивъ мнѣ кратко суть цивилизаціи, обыкновенно Ледоколовъ уѣзжалъ то манъзъ изгонять, то киргизовъ вытравивать для насажденія хлопка, то переселенцевъ на Амурѣ сажать, и все это онъ дѣлалъ, не задумываясь. Правда, послѣ оставалось въ мѣстахъ, пройденныхъ его мечемъ, столпотвореніе и нѣкоторое опустошеніе, а главное — масса уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, начеты контрольныхъ палатъ, необъяснимыя перерасходванія суммъ, недоконченныя соору-

женія, недорытыя каналы, гніющіе мосты, разрушающіеся вѣтряныя двигатели; къ всему этому—масса жалобъ обездоленныхъ кочевниковъ, даже какое то дѣло о выбитомъ глазѣ и похищеніи сартянки (и это въ цивилизацію входило). Но Ледоколовъ предъ этимъ не задумывался. „Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ!“ говорилъ онъ въ свое оправданіе.

Однако и онъ терпѣлъ неудачи. Нѣтъ—нѣтъ, да его и встрѣтишь на Невскомъ.

— Что, братъ, разошелся!

Дѣла не даютъ дѣлать! говорилъ обыкновенно Ледоколовъ въ такихъ случаяхъ; я видѣлъ по отсутствію погонь, что онъ за штатомъ.

Встрѣчаю его также на дняхъ.

— Боже мой! Ледоколовъ, ты когда успѣлъ опять вернуться изъ Средней Азии! Что тебя принесло опять въ Питеръ?

— Да, братъ, судьба! Вернулся да и все! Сорвалось!

— Что же случилось? Вѣдь ты цивилизацію обѣщаль насадить, пути открыть, желѣзную дорогу провести, Индію покорить... и вдругъ опять на Невскомъ.

— Все, братъ, было—побывали и подъ чинарами, затѣмъ—красные халаты, скачки, тосты; могу сказать—было выпито достаточно.

— А Афганистанъ, Бухара, Индія? чѣмъ же все это кончилось?

— Охъ, братъ, теперь грустно вспоминать, только предпріятія были задуманы обширныя. Вѣрно, ты читалъ о послѣднемъ смотрѣ у насъ. Вотъ, братъ, было удивительное зрѣлище. Одинъ французъ пріѣхалъ, ну, мы и взяли показатъ ему нашу цивилизацію. Сначала скачки, потомъ въ роскошной палаткѣ закуски, да какаѣ—цѣликомъ зажаренные бараны. Обѣдъ—щи и гречневая каша, деревянные ложки; нѣтъ, ты представь—щи, каша и деревянные ложки: просто французъ ахнулъ. Пять хорошихъ музыки, и послѣ каждой чарки пять баталіоновъ—перекатную пальбу и затѣмъ вся артиллерія—залпъ. Эффектъ, братецъ! Послѣ обѣда мы сразу сообразили двинуться и въ Бухару, и въ Афганистанъ. Надѣли барабаны, и маршъ! Да тутъ съ дороги воротили. Пожалуйте въ Петербургъ! Жалко, а Индія теперь была бы уже наша.

— Теперь ты куда же, въ Индію?

— Какое въ Индію, братецъ! Въ Малоярославецъ.

Однако, какія же странныя передвиженія!

— Ледоколовъ впрочемъ никогда не унывалъ: всегда здоровъ, цвѣтушъ, грудь колесомъ, аппетитъ въ разгарѣ, глотка готовая изрыгнуть массу проектовъ и съѣсть огромное количество буттербродовъ, самоувѣренность во взорѣ и кулакъ на готовѣ.

— Я, братъ, не пропаду! говорилъ онъ всегда самодовольно. На Усури поѣду переселенца сажать, тамъ теперь лафа. Нѣтъ! въ Тонкинъ агентомъ катну, а то у меня есть проектъ желѣзной дороги на Камень Рыболовъ, машина, изобрѣтенная для промыванія песковъ. Я, братъ, не пропаду—я вездѣ нужный человѣкъ! И дѣйствительно, я зналъ, что онъ поживетъ въ Питерѣ, поѣстъ въ кредитъ у Доминика и куда то опять пристроится. На сей разъ я долженъ былъ также отклонить тотъ невольный каламбуръ, который былъ подготовленъ „самой жизнью“. Если онъ направился не въ Индію, а въ Малоярославецъ, то вѣдь не просидитъ же онъ здѣсь цѣлую жизнь, тутъ для него навѣрное кредита у буфетчика не хватитъ. Я зналъ, что онъ здѣсь устро-

итъ совѣщаніе только съ своими друзьями „Балалайкинымъ“ и „Моментомъ“ и полетитъ опять куда нибудь цивилизовать. Поэтому я рѣшился все-таки прозондировать, куда теперь тяготѣетъ цивилизація.

— Однако, Ледоколовъ, говори откровенно, вѣдь ты уже намѣтилъ куда нибудь!

— Право, не знаю, дѣла много! говорилъ онъ уклончиво... Вотъ, можетъ быть, въ чиновники порученій при муксунахъ.

— То есть, что же это за аллегорія, не можетъ быть, чтобы ты разумѣлъ подъ этимъ...

— Ничего не разумѣю, кромѣ настоящихъ вашихъ сибирскихъ муксуновъ.

— Ты знаешь Кранкеля, что въ Омутинскѣ, при Хвоцовѣ служилъ?

— Ну, знаю! Кранкеля я дѣйствительно зналъ: это былъ старый бонъ-виванъ, шалопай на всѣ руки, человѣкъ съ громаднымъ аппетитомъ и неоплатными долгами. Всегда онъ безъ гроша въ карманѣ, но квартира въ три, четыре тысячи, всегда на балахъ, играетъ въ винтъ, весель, краснорожъ, хадокъ по части займовъ.—Что же, Кранкель, вѣроятно, не въ цвѣтущемъ состояніи, вѣдь онъ въ запасѣ, развѣ около Хаптинскихъ трется.

— Ну, братъ, ты ничего вѣрно не знаешь. Онъ при должности, и это должность чиновника порученій по доставкѣ муксуновъ, нельмъ и осетровъ. Видишь въ чемъ дѣло! Одинъ изъ вашихъ сибирскихъ дураковъ тюленьей породы Турусъ-Подколесинъ захотѣлъ доставлять нельмъ, муксуновъ и осетровъ для лакомства. Вѣдь у васъ народъ хлѣбосольный и себѣ на умѣ. Онъ поднесетъ и чай, и муксуновъ. Тамъ догадывайся съ какой цѣлью. Кабачишки у него есть, дѣлишки темныя, плутовскія—вотъ онъ и пройдохествуетъ!

— Однако, Ледоколовъ, ты не слишкомъ наше хлѣбосольство обличай.

— Знаемъ, братъ, испытали! Ну такъ вотъ Кранкель и сталъ этимъ тюленьямъ помогать. Посмотримъ, во что только эти муксуны вашимъ стануть! А мѣсто хорошее... А ты удивляешься, можно ли при муксунахъ и бѣлорыбицѣ служить? Можно, братецъ! А то вотъ еще кавказскаго мурзенка Шкалакъяни не знавалъ?

— Нѣтъ!

— Да собственно пустой малый. Сынъ горца, давно потерявшаго имѣніе, но малый видный, смугль, черноволосъ, носъ крючкомъ, въ тѣлахъ какъ слѣдуетъ. Только не везло парню, жилъ въ глуши у васъ, въ Сибири. Пробовалъ кутить—буфетчики вина не стали отпускать: покажи ассигнацію; долги дѣлать—чуть не засадили, въ карты съль *счастливо* играть—гдѣ то побили. Словомъ ходу не было. Ну, а молодому чело-вѣку нужна карьера. Вотъ онъ и пріѣхалъ сюда. Что же ты думаешь! Теперь на него барыни аристократки, разныя баронессы, какъ мы на балыгъ, накнулись.

— Да съ чего же?

— Да съ того что брюнетъ, глаза черные, талія, ну и „тѣла“, которыя дамы оцѣнить могутъ. Теперь Шкалакъяни говоритъ: я миллионъ наслѣдственный отщущу. А какаѣ то фрау ему ужъ и дочь прочить. Развѣ мы это не сдумѣемъ—взгляни на меня!

— Положимъ! Но знаешь, Ледоколовъ, это какъ будто что то на „торговлю тѣломъ“ смахиваетъ.

— Что же дѣлать то, братецъ, коли административныхъ способностей не признаютъ! сказалъ онъ съ язвительностью.

Не успѣли мы дойти до Малоюрославца, какъ новая встрѣча. Глядимъ—насъ обгоняетъ Балалайкинь.

— Боже мой, Балалайкинь! ты куда?

— Ледоколовъ! душенька... Начались цѣлованья. Балалайкинь былъ нашъ общій другъ, также гениальный умъ, какъ и Ледоколовъ, герой окраинъ, человѣкъ не менѣе смѣлыхъ плановъ, въ золотопромышленныхъ компаніяхъ состоялъ, пароходство созидалъ, жизнь прожигалъ, также смѣтныя и сверхсмѣтныя ухлопывалъ, банкъ металъ, машину изобрѣталъ и въ концѣ прогорѣлъ. На окраину на Шингаль рѣку ему, въ виду громадныхъ долговъ, совѣтъ появляться нельзя было. Оттуда онъ удралъ. Но, къ сожалѣнію, я узналъ, что ему нельзя было появляться даже и въ Малоюрославцѣ. Вотъ это ужъ совсѣмъ печально было.

— Куда ты, Балалайкинь, однако направляешься? спросили мы.

— Да въ Малоюрославецъ—забѣжать перекусить, кстати тамъ и свиданье дѣловое.

Вотъ какъ! подумалъ я, онъ—въ Малоюрославецъ, значить, фонды поднялись. Это не даромъ!

— Такъ пойдемъ же всѣ по-пути.

— Ну что, Балалайкинь, я вижу, у тебя тоже солнце всходить! Вѣдь я знаю, что ты къ буфетчику показаться не могъ. Куда намѣтилъ? Говори!

— Да, право, братъ не рѣшено еще, а намѣчаются въ одномъ мѣстѣ штаты, такъ обѣщано кое что, однако иду еще посоветоваться съ Моментомъ и кое-что подготовить.

— Куда же однако? Вѣдь туда тебѣ показаться нельзя. Завалить взысканіями, съѣдятъ.

— Ну, это посмотримъ! я вѣдь не пискаремъ къ нимъ явлюсь, а шукой!

— Вотъ какъ! подумалъ я, и у этого дѣла устроятся.

Мы вошли. Проходя рядъ комнатъ, я увидѣлъ не смотря на утреннее время, дымъ коромыслемъ. Въ одномъ мѣстѣ сгруппировались „оставляющіе посты и смѣняющіеся“, въ другомъ мѣстѣ „назначаемые вновь и штатные“. Къ первымъ подошелъ Ледоколовъ и потрясъ руки, ко вторымъ—Балалайкинь. Тутъ же былъ и передовикъ Моментъ, онъ перебѣгалъ отъ однихъ къ другимъ. Однимъ онъ говорилъ: „я любилъ Редедю, я васъ любилъ, господа! Но надо покориться, вы не оправдали надеждъ, однако я отдамъ должное вашимъ талантамъ,“ къ другимъ онъ подходилъ и говорилъ: „господа! я пишу, что вы вполне оправдаете надежды, и я вѣрю, что дѣло цивилизаци...“ тѣ и другіе жали ему руки, у тѣхъ и другихъ онъ пилъ бокалы. И Ледоколовъ, и Балалайкинь таинственно поговорили съ Моментомъ. Балалайкина онъ видимо успокоивалъ.

— Да вѣдь вы же говорите, что перебрали у нихъ все, что можно, и надоѣли до послѣдней возможности, ну, конечно, всякій позаботится васъ сбыть. Этотъ постъ за вами обезпеченъ.

— Шампанскаго! крикнулъ Балалайкинь.

Буфетчикъ также увидѣлъ и почувствовалъ, что фонды поднялись и подалъ.

— Вѣдь шельма же ты эдакая! сказалъ ему Балалайкинь.—Ты все не вѣрилъ, чуть меня съ голоду не поморилъ!... Видишь?

Гдѣ то только они будутъ теперь цивилизацию вводить! А вѣдь гдѣ то у нихъ намѣчено, вертѣлся у меня вопросъ, когда шель кругомъ дымъ коромыслемъ.

Не въ первый разъ я видѣлъ эту компанію, слушалъ ихъ планы, предположенія и ожиданія. Въ „Малоюрославцѣ“ ежедневно можно видѣть состояніе погоды, время восхода и заката, предвѣстіе „бури“, „пасмурно“, „ясно“, а главное можно встрѣтить ватагу смѣняющихся и восходящихъ цивилизаторовъ окраинъ. Сегодня константиновцы торжествуютъ, завтра редуевцы, кашгарцы, гамадрилы, амурцы и т. д., словомъ круговоротъ. Счастье переменчиво ежедневно. Но что я замѣчалъ, такъ передвиженіе собственно небольшое, лица играютъ тѣ же—только съ переменнымъ счастьемъ; колода одна—сегодня выходитъ Ледоколовъ, завтра—Балалайкинь. Въ „Малоюрославцѣ“ это отлично видно. Кантингентъ цивилизаторовъ прекрасно знакомъ буфетчику, онъ знаетъ ихъ, какъ въ Баденъ-Баденѣ и въ Монако знаютъ игроковъ. Для нихъ двѣ гостинныхъ—одна для назначенныхъ и получившихъ ожидаемые посты, другая для заштатныхъ и смѣняемыхъ. Буфетчикъ ежедневно спрашиваетъ входящихъ, въ какую гостинную имъ подавать: въ красную или зеленую, иногда даже не спрашиваетъ, а видитъ по физиономіи. Въ одну гостинную всегда несутъ шампанское, омары: тамъ плата двойная, какъ и полученныя двойныя прогоны; въ другую гостинную подается только горькая, полынная, при этомъ никто не знаетъ, кто въ какой гостинной будетъ завтра. Есть народъ, перебѣгающій, нюхающій воздухъ. Всегда вы найдете здѣсь усающую физиономію кандидата крысы, которая, настоживъ усы, поводитъ ими то въ одну, то въ другую сторону, стараясь угадать носомъ, гдѣ „сало“.

Когда мнѣ генералъ Тяжкодумовъ задаетъ административный вопросъ, гдѣ мы найдемъ людей?—я всегда ему указываю на „Малоюрославецъ“: сколько угодно!

Повторяю—перебѣну погоды здѣсь отлично можно угадать. Вертящійся Моментъ дѣлаетъ барометрическія предсказанія, отъ него можно узнать, что завтра напишетъ онъ въ „Помояхъ“, кто нырнетъ тамъ съ головою и кто вынырнетъ. Къ нему обращаются всѣ за справками.

— Ляшкевичъ то ухнулъ!—Да?—Да что же, вѣдь онъ давно собирался!—А кто теперь?—Ну, это еще неизвѣстно, дипломатничаетъ Моментъ.—Ну, какъ неизвѣстно! Безхарактернаго за отличие Портянка представлялъ?

На-дняхъ я въ этой компаніи встрѣчаю подобравшагося „Омутинца“, пріѣхавшаго въ Питеръ жаловаться на кашгарцевъ; его я совсѣмъ было потерялъ изъ виду. Повидимому онъ здоровался больше съ красной гостинной, хотя все еще былъ на положеніи полынной.

— Ба, ба, ба! Не поздравить ли? Не возвращаетесь ли въ Омутинскъ? Не ждете ли переменъ? восклицаю я.

— Нѣтъ-съ, пока... но на лицѣ у него что то было написано, я ужъ зналъ игру его ястребиной физиономіи.

— А я думалъ—вы къ домамъ собираетесь, вѣдь ужъ тамъ гроза начинается.

— Какже, какже-съ, но рано еще! Кто знаетъ-съ, вѣдь можетъ быть, все тамъ и исправно окажется. Конечно, кое-что есть! Слыхали, какъ завертелся? Телеграмму посылаю. Сколько, говорить, экипажей прикажете заготовить, чтобы мягче доѣхать къ намъ, а самъ думаетъ, хоть бы ты провалился! Самъ поскакалъ ревизию готовить. Приказы о формѣ пошли. Хохладкія шапки стали заводить. Ха-ха-ха! распорядительность показываемъ. А что какъ къ фону въ сады да въ дачи заглянуть. Что какъ о человѣкоубійствѣ

узнають! Что какъ разнохаютъ, кто такой Передерикъ, какъ онъ семиозерный воръ, за вѣзтки изгнанный, опять попалъ? Что какъ про дѣла М-евскаго узнають, что онъ съ остроголовыхъ награбилъ?—про Бреха въ Вѣднодарѣ? Нѣтъ, такого курятника гдѣ бы воръ не сидѣлъ! Нѣтъ! тутъ хохлацкія папахи не помогутъ. Откроется! И до Алхимика доберутся, какъ этотъ Алхимикъ всѣмъ темнымъ дѣламъ покровительствуетъ. И Алхимикъ не уйдетъ! Такъ шипѣлъ Омутинецъ.

Ясно, что онъ кое что уже зналъ и ожидалъ. Моментъ ему торжественно подалъ руку. Изъ—за драпировки выглянуло зоркое рябинькое рыльце Мордочкина, агента Приклеича, и перепуганно скрылось.

Скоро въ комнату влетѣла залыхавшаяся фигура съ курьерскимъ видомъ, загорѣлая, завѣтрѣвшая; видно, что скакалъ, не останавливаясь. Это было какой то молодецъ гамадрильскаго вида. Онъ сейчасъ же кинулся къ Моменту и началъ съ нимъ шушукаться—послышалось слово Портян....

— Ну, что? Ничего?!

— Да ничего же, говорю вамъ, успокоивалъ сухо Моментъ, видимо тяготясь этимъ разговоромъ.

— Однако ужъ оно рѣшено! и решено безъ него!

— Рѣшено, да до васъ не относится.

— Урра! Шампанскаго! раздавалось изъ другой комнаты.

— Горькой! пискнули гдѣ то.—Однако, согласитесь, это не можетъ не отразиться, говорятъ, будто битый неподходящъ.

— Битая рожа! ха-ха-ха! раздается изъ красной гостиной.—

Ничего, слышится голосъ Момента, еще досидитъ, это ничего!—Однако! безпокойно мечется за новостями пріѣзжій Гамадриль.

— Слетитъ, ухнетъ! раздается изъ красной гостиной. Пріѣзжій летитъ и сбиваетъ съ ногъ какого то усатаго, кидаящагося „за саломъ“.

— Вамъ куда—въ красную или зеленую? Горькой прикажете, спрашиваетъ буфетчикъ.

— Чортъ его знаетъ! восклицаетъ недоумѣвающий пріѣзжій. Видъ его становился унылымъ.

— Господа! да скажите же, куда мнѣ идти, смерть хочется выпить! вырвалось у него.

Вѣдь вотъ въ Малоярославцѣ, а тоже нужно предвѣдѣніе. Конечно, предугадать кое—что можно...

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Послѣ продолжительныхъ колебаній Швейцарія, наконецъ, уступила давленію иностранныхъ правительствъ, и кантональныя власти сдѣлали распоряженіе о задержаніи полиціею анархистскихъ агентовъ. Такъ, арестованы Фалькъ и Пфау, заподозрѣнные въ участіи въ вѣнскихъ, штутгардскихъ и страбуржскихъ убійствахъ. Ихъ подвергли допросамъ по инструкціямъ, присланнымъ изъ Вѣны. Полагаютъ, что исполненіе требованія о выдачѣ будетъ зависѣть отъ отвѣтовъ арестованныхъ. Въ Женевѣ, Базелѣ и Бернѣ анархисты ведутъ пропаганду черезъ газеты. За ними слѣдятъ.

— Франція требуетъ съ Китая контрибуцію. Французы займутъ проходы Лангъ-Сона и Као-Банга; въ Китай вой-

дутъ съверною стороною Тонкинскаго залива, откуда въ пять дней можно достигнуть Кантонской рѣки, а черезъ семь дней самаго Кантона. Они предполагаютъ, что контрибуція можетъ быть покрыта въ нѣсколько лѣтъ таможенными пошлинами, взимаемыми въ Кантонѣ. Что касается до стачекъ рабочихъ, то они разрастаются. Въ Анзенѣ, на примѣръ, волненія начались 4-го апрѣля. Властямъ пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию войскъ, чтобы защитить рабочихъ, не участвующихъ въ стачкѣ, отъ насилій со стороны забастовавшихъ. Въ теченіе трехъ часовъ сряду жандармамъ въ присутствіи суппрефекта и прокурора приходилось сдерживать трехтысячную толпу, собравшуюся у одной изъ шахтъ съ намѣреніемъ не выпускать оттуда рабочихъ, которые въ стачкѣ не участвуютъ. Толпа была разогнана лишь по прибытіи драгунъ изъ Валансьена. Арестованныхъ масса. Они отправлены въ судъ исправительной полиціи и многіе уже приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки, отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ. Ночью участники стачки собрались на тайное засѣданіе и постановили употребить всѣ усилія къ тому, чтобы вызвать движеніе во всемъ каменноугольномъ бассейнѣ. Власти съ своей стороны приняли разныя мѣры предосторожности. Волненіе особенно разрастается въ Дененскомъ округѣ. Главными агитаторами рабочихъ являются радикалы—демократы Парижа. Что касается до дѣйствія комиссіи по рабочему вопросу, то, между прочимъ, туда представлены наблюденія Рошфора, изучавшаго бытъ рабочихъ въ Анзенѣ.

— Новое министерство въ Норвегіи принадлежит къ умѣренно-консервативной партіи. Стортингу такое министерство является несимпатичнымъ и проекты его не принимаются.

— Въ Германіи, недавно образовавшаяся, свободомыслящая партія намѣрена была внести въ рейхстагъ вопросъ объ отвѣтственности министерства. Противъ такого намѣренія возсталъ Бисмаркъ, какъ предсѣдатель союзнаго совѣта, находя, что такимъ проектомъ можно было бы подорвать довѣріе союзныхъ государствъ, что вызвало бы неминуемое распаденіе германскаго единства. Члены союзнаго совѣта, уполномоченные государствъ, вошедшихъ въ составъ германской имперіи, поддержали мнѣніе канцлера. А представитель Баваріи выразилъ даже, что государство это всегда готово поддерживать стремленія къ общему благу соединенныхъ государствъ и останется, по меньшей мѣрѣ, безучастнымъ къ стремленіямъ собственно Пруссіи. Этотъ фактъ еще болѣе усилилъ толки о выходѣ Бисмарка въ отставку. Императоръ германскій серьезно боленъ. Онъ не принимаетъ докладовъ; во дворцѣ и на прилегающихъ улицахъ соблюдается полнѣйшая тишина.

— Изъ Суакима англійскія войска выступаютъ. Въ Хартумѣ дѣла не измѣнились. Генераль Гордонъ разочаровался въ своихъ планахъ, видя, что число инсургентовъ, обложившихъ Хартумъ, увеличивается. Единственная надежда генерала на разлитіе Нила, что дастъ ему возможность ввести въ дѣйствіе пароходы.

— Англійская палата общинъ приняла билль объ избирательной реформѣ, во второмъ чтеніи. Изъ рѣчей, сказанныхъ въ защиту билля, особенно выдается рѣчь министра ирландскихъ дѣлъ Форстера, доказывавшаго необходимость расширенія избирательныхъ правъ для Ирландіи. Англійская полиція открыла въ Дублинѣ новыя слѣды феніанскаго заговора. Захвачена переписка „непобѣдимыхъ“, сидящихъ въ тюрьмѣ, съ „непобѣдимыми“, находящимися на свободѣ. Въ этихъ письмахъ находятся подробности плана взрыва манджайской тюрьмы. Предполагено было подкупить тюремщиковъ, ввести адскую машину въ тюрьму; во время суматохи при взрывѣ арестанты могли бѣжать. Имѣлось въ виду сбросить со стѣны одного изъ пожизненно-заключенныхъ, Деланея, который своими показаніями на судѣ способствовалъ осужденію многихъ вліятельныхъ феніевъ. Деньги на это предпріятіе долженъ былъ доставить глава американскихъ феніевъ, Огоноваль Росса, въ рукахъ котораго находится собранный

по подпискѣ въ Ирландіи и Америкѣ феніанскій капиталъ. Какъ только былъ открытъ заговоръ, всѣхъ арестантовъ изъ манджайской тюрьмы перевели въ лондонскія тюрьмы, а тюремщиковъ уволили отъ должностей. Когда арестантовъ выводили изъ камеръ, они кричали: да здравствуютъ непобѣдимые! да погибнетъ англійское правительство!

— Въ Итальянской палатѣ депутатовъ министръ иностранныхъ дѣлъ Манчини, говоря о вѣдшей политикѣ, заявилъ, между прочимъ, что министерство останется вѣрнымъ своей миролюбивой программѣ и что Италия во мнѣніи Европы достигла высокаго уваженія. Время и продолженіе мирной политики обѣщаютъ этому государству въ будущемъ еще большее значеніе. Дружба съ Германіей и Австро-Венгріей не мѣшаетъ Италиі сохранять самыя теплыя отношенія къ Франціи, къ которой тяготеетъ итальянскій народъ. На запросы нѣкоторыхъ депутатовъ объ отношеніи Италиі къ суданскимъ дѣламъ, министръ заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ высказать на этотъ счетъ что либо, такъ какъ въ непродолжительномъ времени произойдетъ обмѣнъ мнѣній между державами.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Телеграмма изъ Москвы сообщаетъ, что московская дума постановила: избрать комиссію изъ 10 членовъ для обсужденія вопроса объ участіи города въ предстоящихъ въ маѣ мѣсяцѣ торжествахъ по случаю совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича.

На мѣсто скончавшагося товарища почетнаго председателя комитета Политехническаго музея, профессора Щуровскаго, исправляющимъ эту должность избранъ председатель московской земской управы Наумовъ; онъ же председатель правленія музея.

— По словамъ „Нов. Времени“, въ нынѣшнемъ академическомъ году число студентовъ въ с.-петербургскомъ университетѣ возросло до 2,242 человекъ.

— Вслѣдствіе указаній, сдѣланныхъ тайнымъ совѣтникомъ Гирсомъ, ревизовавшимъ недавно туркестанскій край, на льготы, которыми пользуется въ настоящее время населеніе Туркестана, освобожденное отъ воинской и квартирной повинностей и обложенное ничтожными, сравнительно съ кореннымъ населеніемъ внутренней Россіи, налогами, проектируется въ настоящее время значительно измѣнить существующую тамъ систему податей. Говорятъ, предполагается съ извѣстной послѣдовательностью ввести тамъ правильную податную систему, подходящую ближе къ системѣ, существующей во всей имперіи.

По свѣдѣніямъ о распоряженіи по дѣламъ печати, опубликованнымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, разрѣшены слѣдующія повременныя изданія: 1) „Журналъ элементарной математики“, редакторъ-издатель профессоръ университета св. Владиміра В. П. Ермоловъ. 2) „Юная Россія“, издатель-редакторъ В. Б. Брѣ (онъ же издатель англійскаго журнала „Our children“), 2 раза въ мѣсяцъ, въ Петербургѣ. 3) „Красное яичко“, редакторъ-издатель Л. П. Сабанъевъ (издатель журнала „Природа и Охота“), въ Москвѣ, еженедѣльно въ двухъ изданіяхъ: сельскомъ со всѣми отдѣлами и городскомъ, безъ отдѣловъ сельскаго хозяйства и животноводства.

— Наша экономическая наука понесла чувствительную утрату. 26-го марта, скончался, на 64 году жизни, нѣкогда извѣстный экономистъ Иванъ Васильевичъ Вернадскій.

— Изъ Архангельской губерніи извѣщаютъ, что открытый недавно въ Пинежѣ бульонный заводъ Клечковского расширяетъ свои операціи, вслѣдствіе запроса на бульонные фабрики изъ Парижа и Берлина.

— „Сѣверное Телеграфное Агентство“ сообщаетъ изъ Сергіополя: По поводу извѣстія о захватѣ китайскою властью въ Чугучакѣ чаевъ у купца Котельникова для продоволь-

ствія китайскихъ войскъ, чугучакскій консулъ Балкашинъ заявляетъ, что дѣло о кирпичномъ чаѣ съ китайскими властями запуталъ Асановъ, приказчикъ Котельникова, и что о поступкѣ Асанова сообщено томскому губернатору.

Въ четвергъ, 22-го марта, Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 16-го февраля 1884 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Предоставить семействамъ чиновъ тюремной администраціи, убитыхъ или умершихъ отъ ранъ, нанесенныхъ во время исполненія обязанностей службы, право на пенсіи безъ разсчета выслуги лѣтъ, съ выдачею имъ, сверхъ того, единовременнаго пособія. 2) Равнымъ образомъ и самимъ чинамъ тюремнаго управленія, кои отъ причиннаго имъ злонамѣреннаго дѣйствіемъ арестантовъ увѣчья или неизлечимой болѣзни не будутъ имѣть возможности продолжать службу, предоставляется право на усиленные пенсіи противъ тѣхъ, которыя слѣдовали бы имъ на общемъ основаніи, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по разсчету выслуги, таковыхъ пенсій имъ не причиталось бы вовсе;— и 3) размѣръ означенныхъ пенсій и единовременныхъ пособій испрашивается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чрезъ комитетъ министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ соглашеніи съ министромъ финансовъ и по соображеніи какъ съ размѣромъ жалованья, производившагося погибшему или пострадавшему на службѣ лицу, такъ и со всѣми обстоятельствами служебной дѣятельности подобныхъ лицъ, семейнымъ и имущественнымъ ихъ положеніемъ.

— Телеграмма изъ Казани отъ 1-го апрѣля говоритъ: Командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ баронъ Икскуль, осмотрѣвъ селенія Казанскаго, Мамадынскаго, Чистопольскаго и Лаишевскаго уѣздовъ, наиболѣе пострадавшія отъ неурожая, пришелъ къ заключенію, что голода съ его ужасными спутниками — голоднымъ тифомъ и голодною смертью — нѣтъ, что нужда крестьянства вслѣдствіе неурожая прошлаго года во многихъ селахъ велика, но населенію оказывается возможная помощь и земство дѣйствуетъ рационально. За то экономическое состояніе губерніи баронъ Икскуль нашелъ внушающимъ серьезныя опасенія: земля обрабатывается дурно, удобренія почти нѣтъ, промыслы развиты слабо и ведутся первобытнымъ способомъ; нѣтъ частной инициативы, видна полная апатія. Если такъ будетъ продолжаться далѣе, то, по мнѣнію барона Икскуля, всегда возможный недородъ хлѣба повлечетъ за собою всѣ бѣдствія голода; необходимы энергія, развитіе частной предприимчивости и вообще поднятіе благосостоянія края. Баронъ осмотритъ и другіе уѣзды губерніи.

Кромѣ того, въ одной телеграммѣ изъ Казани сообщено: Объявлено казанскому губернскому земству, мѣстному городскому обществу и биржевому комитету, что вопросъ о выборѣ направленія для сибирской дороги будетъ въ непродолжительномъ времени представленъ на окончательное утвержденіе.

— Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ 1-го апрѣля получена, черезъ Кяхту, слѣдующая телеграмма отъ полковника Пржевальскаго:

„Алашань, 8-го января. Прошли благополучно пустыню Гоби. Морозы въ сѣверной ея части переходили точку замерзанія ртуть; всѣ здоровы. Завтра ѣдемъ на Кукуноръ. По слухамъ, тибетцы молятъ Бога напустить на насъ косяной (не каменный ли?) градъ съ неба“.

Опубликовано слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, 31-го марта 1884 г. „Принимая въ соображеніе, что газета „Востокъ“, какъ видно, между прочимъ, изъ передовыхъ статей ея въ №№ 291 и 292, изъ статьи, озаглавленной „Дѣло Англіійскаго подворья“ въ № 287 и замѣтки, помѣщенной во внутреннемъ отдѣлѣ № 292, постоянно прибѣгаетъ, не взирая на объявленныя ей предостереженія, къ дерзкимъ нападкамъ на дѣятельность лицъ высшей духовной іерархіи и съ непосовѣтительною запальчивостью и рѣзкостью обсуждаетъ различныя вопросы церковнаго управленія, — министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прил. къ ст. 4 (прим.)

уст. ценз. св. зак. т. XIV, по прод. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлили: объявить газетѣ „Востокъ“ третье предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора титулярнаго совѣтника Николая Дурново, съ приостановленіемъ изданія на четыре мѣсяца и съ примѣненіемъ по возобновленіи изданія, п I Высочайше утвержденнаго 27-го августа 1882 года положенія комитета министровъ, о временныхъ мѣрахъ относительно періодической печати.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Исслѣдованіе древностей Минусинскаго округа и верховьевъ рѣки Енисея, въ 1882 году. И. С. Боголюбскаго. Извлечено отдѣльно изъ № 3, т. XIV «Изв. Вост. Отд. Импер. Геогр. Общ.». Иркутскъ, 1883 г. 8 стр.

Авторъ брошюры, горный ревизоръ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ, изложилъ въ ней наблюденія одной изъ своихъ поѣздокъ. Это изслѣдованіе можно назвать только брошюрой, такъ какъ оно содержитъ или только бѣглыя замѣтки о видѣнномъ, или ничего не значація гипотезы. По своему положенію, развѣзая по округу, г. Боголюбскій могъ бы дѣйствительно собрать и рассказать много любопытнаго, еслибъ поосмотрительнѣе обращался съ фактами и не дѣлалъ фантастическихъ предположеній, противорѣчащихъ азбукѣ науки, какъ, напримѣръ, о томъ, что обитатели долины Узунжула жили одновременно съ вымершими толстокожими и употребляли орудія каменные, роговые и металлическія (стр. 5).

Минусинскія древности представляютъ въ высшей степени привлекательный, обильный и благодарный матеріалъ для изслѣдованія, и недаромъ, начиная съ конца прошлаго столѣтія, объ нихъ упоминаютъ всѣ ученые изслѣдователи и дилетанты, посѣщавшіе округъ, но запасъ до сихъ поръ еще далеко не исчерпанъ. Окрестности города неособенно богаты курганами, но и въ нихъ, въ радиусѣ 15 верстъ, насчитается не меньше 3,000 кургановъ. На одномъ островѣ, противъ города ихъ болѣе 200. Въ каждомъ курганѣ можно полагать, сообразно новѣйшимъ раскопкамъ, не менѣе 3 костяковъ, а часто бываетъ и больше. Изъ этого одного уже можно видѣть, сколько народу жило и перемерло въ Минусинскомъ округѣ. Мы не говоримъ уже объ изваяніяхъ, городищахъ, остаткахъ доисторическихъ рудниковъ, надписяхъ и другихъ памятникахъ старины. Желательно было бы въ интересахъ не только мѣстныхъ научныхъ вопросовъ, но и общечеловѣческихъ найти компетентнаго изслѣдователя, снабженнаго достаточными матеріальными и научными пособіями, для полнаго и всесторонняго изученія мѣстныхъ доисторическихъ памятниковъ. Сводъ прежде добытыхъ данныхъ, подкрѣпленный новыми фактами, одинъ въ состояніи пролить свѣтъ на загадочныхъ творцовъ доисторической культуры присаянскихъ степей. Кто не захочетъ смѣшивать доисторическихъ людей бронзоваго вѣка съ современниками вымершихъ толстокожихъ и бронзовый вѣкъ съ каменнымъ, можетъ сказать о строителяхъ минусинскихъ кургановъ очень немного. Попытки серьезныхъ изслѣдователей—Эйхвальда, желающаго во что бы то ни стало приписать эти памятники народу финскаго племени, и болѣе остроумнаго, глубокаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожнаго Попова представляютъ собою энергическій запросъ на фактическія данныя, болѣе обстоятельныя и болѣе обширныя, безъ которыхъ ни добросовѣтность, ни любовь къ дѣлу не поведутъ человѣка дальше самыхъ элементарныхъ обобщеній. По многимъ обстоятельствамъ изслѣдованіе мѣстныхъ древностей—вопросъ дня. На правомъ берегу Енисея курганы попадають подъ распахку; недалеко отъ города, на берегу Енисея, не нынѣшней, такъ будущей весной, крупный курганъ будетъ размытъ весенними водами, а сколько ихъ уже размыто, этого и опредѣлить нельзя. Немного толку также въ ненаучныхъ раскопкахъ досужаго дилетанта, причѣмъ только портятъ памятники старины и потомъ загромаждаютъ ученые журналы пустыми разсказами о несуществовавшихъ битвахъ и т. д. Кромѣ того, съ доисторическими памятни-

ками поступають здѣсь до сихъ поръ чисто варварскимъ образомъ. Намъ извѣстны примѣры, что доисторическая бронза шла на литье колоколовъ. Немногое попадаетъ въ дѣльныя руки. Минусинскій музей пріобрѣтаетъ и собираетъ что можетъ, даже больше, чѣмъ дозволяютъ ему скудныя средства, и его коллекціи извѣстны по печатнымъ каталогамъ, но какая судьба постигла другія коллекціи, собранныя знатоками и любителями, трудно сказать. Часть разсыяна по музеямъ, больше всего въ академіи наукъ и въ Румянцевскомъ музеѣ; гдѣ другія коллекціи, неизвѣстны. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, куда дѣвалась нѣкогда знаменитая коллекція Степанова. Знатоки изъ современныхъ коллекцій считаютъ самую полную принадлежащую Иннокентію Александровичу Лопатину, нашему извѣстному геологу, по описанію ея нѣтъ. По частнымъ же свѣдѣніямъ, интересной коллекціей владѣетъ г. Боллингъ, въ Енисейскѣ, но и ея составъ неизвѣстенъ. Будетъ очень досадно, если эти сокровища, на которыя затрачено немало денегъ, труда и знанія, постигнетъ судьба Степановской коллекціи.

Извѣстно нѣсколько списковъ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ или изваяній, встрѣчающихся въ Минусинскомъ округѣ, но нѣкоторые изъ нихъ теперь уже не существуютъ. На курганныхъ камняхъ встрѣчаются нерѣдко рисунки, нѣкоторые изъ нихъ сняты были спутниками Палласа, есть рисунки въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» Спасскаго и въ посмертной статьѣ Щукина въ «Запискахъ сибирскаго отдѣла», но оригиналовъ многихъ рисунковъ теперь уже не найдешь, — камни разбиты и ушли на плиты для фундаментовъ, да и то собрано до сихъ поръ такихъ рисунковъ очень мало; между тѣмъ, важность ихъ очевидна безъ комментаріевъ для всякаго. Надгробные рисунки должны имѣть прямую связь и съ жизненной ролью покойника, и съ культомъ, господствовавшимъ въ его эпоху. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ отрасли мѣстной археологіи, требующія немедленной разработки. Скажемъ только въ заключеніе, что на мѣстныя силы рассчитывать въ этомъ дѣлѣ трудно. Что возможно дѣлается, по необходимости специальныхъ изслѣдованій по части мѣстной археологіи чувствуется уже давно. Покойный Костровъ, лѣтъ двадцать слишкомъ тому назадъ, заявилъ свой проектъ специальной этнографическо-археологической экспедиціи въ Минусинскій округъ, и онъ до сихъ поръ еще ждетъ своего осуществленія. Намъ могутъ указать на экспедиціи Радлова и Адрианова въ новѣйшее время; но, во-первыхъ, мы Радлова до сихъ поръ знаемъ только, какъ дѣятельнаго и трудолюбиваго ориенталиста, а работы его по доисторической археологіи еще не вышли въ свѣтъ*), и насколько намъ извѣстно, онъ занимался только раскопкою кургановъ, а въ округѣ много археологическаго матеріала и помимо могилъ; что же касается новѣйшей экспедиціи Адрианова, то она длилась всего одно лѣто, имѣла много обязательныхъ задачъ, помимо археологическихъ изысканій, такъ что на послѣднія не могла тратить много времени и средствъ.

Д. К.

*) Интересная статья г. Радлова нынѣ помѣщена въ «Живописной Россіи», томъ XII.

Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

НОВАЯ КНИГА:

СВОДЪ ЗАКОНЕНІЙ

О

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

въ Россіи, со всеми разъясненіями по 1884 годъ.

Составилъ А. И. Розановъ.

Цѣна 3 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ: Спб. Харьковская ул., д. № 5 кв. № 9, у Л. И. Розанова.

При этомъ № предлагается объявленіе отъ „Иллюстрированнаго Міра“.